

БОЖІА ТРИЦА

СЕ ИЗЫДЕ СВѢТЪ ДА СВѢТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ ВРАНИ
ТЕ МНѢ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБСѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ЦЕРКОВНОСТЬ.

(Ея важное значеніе и необходимость въ жизни и школѣ).

(Продолженіе ¹⁾).

II.

Наряду съ вѣрностью уставамъ Церкви, во многихъ простыхъ русскихъ семьяхъ пріятно—отрадно сердцу вѣтеть и процвѣтаетъ духъ молитвенный. Взойдите вечеромъ подь

праздникъ въ деревню и въ жилище богобоязненнаго мужичка. Васъ обдастъ какою-то неизъяснимо—успокоительною тишиною, таинственною торжественностью и благоговѣніемъ.

¹⁾ См. № 1.

Его невзрачная хижина, заваленная всякимъ домашнимъ скарбомъ, закопченная и насквозь продушенная специфическимъ запахомъ овчинъ и капусты, наскоро прибрана и теперь залита свѣтомъ зажженной въ св. углу лампы. Вы не увидите, можетъ быть, пока здѣсь еще очевидную молитву, а лишь суетню и приготовленія къ празднику; но за то вы не увидите также здѣсь ничего душерастлѣвающего, душепогручающаго, вродѣ усажденія кривляніями актера на подмосткахъ театра, куда забраться подъ любой великій праздникъ для интеллигента ровно *ничего* не значить ¹⁾. Не то въ деревнѣ! Едвали вы гдѣ услышите, чтобы заливалась здѣсь подъ праздникъ здорово-звонкая русская пѣсня, или гармоника. И эта благодатная тишина, это предпраздничное умиротвореніе и отдаленіе отъ всякихъ обыденныхъ заботъ, удовольствій, развлеченій и тревогъ, не даетъ ли въ жизни крестьянина лучшія минуты, не есть ли это, если не самая молитва, то все, что для нея надо? Не хитра и не сложна вообще его молитва. Но какъ же она за то усердна, тепла, свята и постоянна! Онъ знаетъ и всегда твердитъ почти только одну—двѣ молитвы (Богородице Дѣво, Отче нашъ, и чаще всего молитву Иису-

¹⁾ Вотъ любопытный фактъ изъ числа весьма и весьма многихъ подобныхъ: „Въ одномъ изъ мѣстныхъ (Томскихъ) органовъ печати было объявлено,—такъ начинается свою обличительную рѣчь 1 Окт. 1901 г. преосв. Томскій Макарій: — „въ субботу 29 Сентября имѣетъ быть концертъ и послѣ концерта танцевальный вечеръ. Начало въ 8 часовъ вечера“... Загляните еще изъ любопытства въ отдѣлъ „Театръ и Музыка“ воскреснаго № газетъ, гдѣ вы прочтаете отзывы объ успѣхахъ сцены „вчера“, т. е. на Воскресенье (напр. № 9228 Новаго Времени).

сову), но какую же удивительною силою молитвенной настроенности (а вѣдь это—главное!) горитъ онъ, повторяя небогатый запасъ своихъ молитвенныхъ словъ... И это не въ церкви только, но и дома, и на улицѣ. Вотъ онъ выходитъ раннимъ утромъ изъ дома на дѣло и дѣланіе свое до вечера. Лишь только вышелъ онъ за ворота—онъ молится на родной храмъ, а если его не видно—на всѣ четыре стороны. Вотъ онъ пришелъ на свою полосу: опять онъ крестится, призывая Божіе благословеніе на свой трудъ. Берется ли онъ за соху, или за косу—изъ его устъ слышится смиренное: „Господи благослови!“ Окончивъ работу, онъ говоритъ: „слава Тебѣ, Господи!“ Онъ не выпьетъ глотка воды, не перекрестившись... Пожилыя женщины-крестьянки положительно достигаютъ въ молитвенномъ дѣланіи совершенства настоящихъ подвижниковъ монастыря и молитвы. За суетой по хозяйству, весьма сложному и нелегкому въ крестьянствѣ, она никогда не разстается съ молитвой Иисусовой, и вся какъ бы дышетъ ей! Подкладываетъ ли огонь подъ дрова, мѣситъ ли тѣсто, готовить ли пищу, убираетъ ли скоть, принимается ли за другую какую работу, она со вздохомъ самаго неподдѣльнаго глубокаго умиленія шепчетъ: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ“ (или „мя грѣшную“)! И такъ какъ по особенностямъ своего быта и нелегкой доли крестьянской она ни минуты не можетъ оставаться въ бездѣйствіи и покоѣ, то само собою ни минуты не живетъ безъ молитвы, которая у нея положительно неотдѣлима отъ работы. И такъ, смотрите: вѣдь это совершеннѣйшее исполненіе заповѣди Апостола: „непрестанно молитесь,“—заповѣди, ко-

торая всегда считалась „по плечу“ лишь совершеннымъ! Молитвенная настроенность какъ-то естественно и неизбежно влечетъ за собою все другіе плоды благочестія, между коими болѣе всего поражаютъ насъ глубокая вѣра, усердіе, терпѣніе и глубочайшее смиреніе русскаго простолюдина. Въ дни всенародныхъ торжествъ и общаго подъема религіозно-церковной жизни эти качества его души выступаютъ въ ореолѣ своего самобытнаго величія и прелести. Кто хочетъ поучиться этимъ поистинѣ изумительнымъ свойствамъ русской души, понаблюдать ихъ, подивиться имъ, пусть взойдетъ вслѣдъ за нескончаемыми толпами русскихъ богомольцевъ въ лѣтніе мѣсяцы въ Троицкую Лавру (да и во многія другія обители). Вы увидите здѣсь, какъ эти подвижники благочестія цѣлыми часами выстаиваютъ подъ палящими лучами июнскаго солнца въ безконечной, извивающейся по всей Лаврѣ и даже за воротами ея цѣпи, передовому звену которой едва черезъ часъ-два удастся воспользоваться своею очередью облобызать и оросить своими слезами нетлѣнные останки Угодника Божія. Вы увидите далѣе, какъ эти подвижники, въ неимовѣрной жарѣ, духотѣ и давкѣ маленькаго собора, гдѣ „благородные люди“ не въ состояніи пробыть одной минуты, выстаиваютъ длиннѣйшія Лаврскія службы, не зная ни усталости, ни неудобствъ, ни стѣсненій... Здѣсь вы узнаете, чѣмъ жива, могуча и крѣпка русская душа, блещущая ослѣпительными лучами самобытной религіозности, церковности, благоговѣнія и благочестивой мудрости. И все это—результаты воспитанія подъ благотворнымъ вліяніемъ Церкви, результаты тѣснѣйшаго общенія съ жизнію Церкви, пребыванія въ ней, питанія отъ нея на

протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ. За мѣчательно, что даже счетъ времени и хронологію всехъ событій своей жизни Русскій народъ обыкъ вести не по числамъ и мѣсяцамъ гражданскаго года, а по днямъ памяти святыхъ и воспоминаній церковнаго календаря. Описывая какое нибудь событіе, древній русскій лѣтописецъ обычно упоминаетъ, что оно случилось „на память такого-то святаго или праздника“. И въ настоящее время ко днямъ церковнаго календаря пріурочиваются все важнѣйшіе моменты годичнаго круга трудовой жизни крестьянина: „Евдокія весну сряжаетъ“; „пришли Евдокеи—мужику затѣи“ (1 Мар.); „на св. Пуда доставай пчель изъ-подъ спуда (15 Апр.)“; „Ирины разсадницы—сѣй капусту на разсадникахъ (16 Апр.)“; „на Кузьму сѣй морковь и свеклу“ (18 Апр.); „Борись и Глѣбъ — сѣютъ хлѣбъ“ (2 Мая). „Семь дѣвъ — сѣютъ ленъ“ (18 Мая). На Ивана долгаго сажай огурцы“ (19 Мая). „Кузьма Демьны пришли—на покось пошли“ (1 Юля). „Илья жниво зажинаетъ, лѣто кончатъ“ (20 Юля). „На Успенье огурцы солить, на Сергія капусту рубить,“ — и масса подобныхъ изреченій, при всей своей игривости отражающихъ глубокую серьезность и дѣловитость русскаго мужика и его означенную симпатичнѣйшую особенность освящать и ознаменовывать всевозможныя отрасли своего труда воспоминаніемъ тѣхъ или другихъ святыхъ, призываемыхъ имъ и въ покровительство своей трудовой жизни. Прислушайтесь къ самой рѣчи русскаго простолюдина: воспитанная на патерикахъ, прологахъ, четіихъ-минейхъ и богослужебной поэзії, она вся зачастую удивительно блещетъ перлами и свойствами церковнаго краснорѣчія, при всей многосодержательности краткаго, при всей

возвышенности—простого и общедоступнаго, серьезнаго и глубокаго, мѣткаго и пронизательнаго. Особенно это ярко выступаетъ въ письменныхъ произведеніяхъ тѣхъ самородковъ—простецовъ, которыхъ не коснулась никакая школа, которые всѣмъ своимъ умственнымъ развитіемъ исключительно обязаны своей начитанности въ церковно-славянской литературѣ.¹⁾ Не море ли мудрости, глубокой вѣры, смиренія и простосердечія сокрыто въ многознаменательномъ отвѣтѣ простаго русскаго странника, который на празднествахъ въ 500-лѣтній юбилей Лавры Преподобнаго Сергія, не имѣя возможности пробраться не только къ самымъ мощамъ Угодника, но и въ ограду Лавры, и издали обратившись лицомъ къ обители, чествовалъ Преподобнаго поклонами, и когда его хотѣли озадачить полусушительнымъ, полу-нелѣпнымъ вопросомъ: „что онъ молится? вѣдь угодникъ—де его не видить!“—простодушный богомолецъ, нимало не смутившись, замѣтилъ: „мы-то Его не видимъ, да Онъ-то насъ видить!...“²⁾ Еще—не достоудивительна ли совѣстливость и смиренномудріе простеца, отказывающагося отъ монастырской трапезы въ пользу другихъ въ виду того, что онъ „недалній“:—„всего 30 верстъ“,—его благоговѣніе къ святынь, заставляющее его отказываться отъ вкушенія пици до тѣхъ поръ, пока не удастся приложиться къ святымъ мощамъ, хотя бы это иногда удавалось уже къ ве-

черу, и т. под. качества, воспитавшіяся несомнѣнно подъ сильнымъ воздѣйствіемъ благотворныхъ уроковъ Церкви? А пословицы и изреченія народныя? Эти перлы народной мудрости—не отражаютъ ли они мудрость Церковную, неисчерпаемая сокровища которой представляетъ прежде всего Церковное богослуженіе и весь составъ церковно-священной и святоотеческой литературы? И не этимъ ли глубокимъ сродствомъ народной и церковной мудрости, тождествомъ ихъ источниковъ, объясняется чрезвычайная любовь народа прежде всего къ чтенію и слушанію „божественнаго“, наиболѣе сроднаго и удовлетворяющаго потребностямъ и запросамъ богатой народной души, вознесенной благодатнымъ вліаніемъ Церкви превыше всякихъ земныхъ заботъ и интересовъ, приученной искать прежде всего „единаго на потребу“, а не погружаться всецѣло въ заботы о внѣшнемъ и временномъ благоустроеніи своей жизни (ср. практицизмъ Запада)?

„Все это такъ!“—скажутъ намъ. „Но только есть ли прокъ-то какой отъ всего этого? Дѣлаетъ ли челоувѣка лучше вѣрность его церковнымъ уставамъ, жизнь въ духѣ и атмосферѣ церковности, и т. под.?“ Намъ кажется, что излишне бы даже и отвѣчать на этотъ вопросъ и задавать его, разъ даетъ на него краснорѣчивый отвѣтъ сама душа народа въ своихъ чистѣйшихъ порывахъ, дѣлающихъ её полною обаятельной возвышенности и прелести. Съ другой стороны, подобный вопросъ подвергалъ бы напрасному сомнѣнію благотѣльность и значеніе вообще внѣшняго обрядоваго строя церковной жизни, выработывающагося въ цвѣтущія времена Церкви, освященнаго вѣками и испытаннаго лучшими церковными силами.

¹⁾ Покойный Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, извѣстный художественный критикъ и знатокъ русской художественной литературы, всегда приходилъ въ восхищеніе отъ своеобразныхъ писаній покойнаго Игумена Паренія, когда-то бывшаго раскольника, и любилъ читать „Сказанія о Страствованіяхъ“ этого „инока“.

²⁾ Этотъ фактъ въ свое время былъ отмѣченъ въ „Церк. Вѣдом.“ 1892 года.

Нѣтъ ничего нормальнѣе, правильнѣе и цѣлесообразнѣе той постановки жизни, къ какой приучаетъ, въ какой стремится воспитать насъ попечительная мать вѣрующихъ, Св. Церковь. Ея обряды и установленія, Богослуженіе и проповѣдь—это цѣлая мудрѣйшая школа, уроки и доброе вліяніе которой не знаютъ себѣ соперниковъ въ воспитаніи человѣческаго сердца, воли и всей души ¹⁾. „Въ нашей вѣрѣ, говоритъ уважаемый пастырь Кронштадскій,—нѣтъ ни праздныхъ именъ ни праздныхъ обрядовъ—безъ священной сущности дѣла; у насъ—каждое слово, каждый обрядъ духъ и животь, все живо и благоплодно. У насъ и скончавшіеся св. члены Церкви не остаются по отношенію къ намъ бездѣйственными по смерти своей, начиная съ Пресвятой Матери Божіей до Хріста ради юродивыхъ, благотворно дѣйствуя на вѣрныхъ, подвизающихся на землѣ чадъ Церкви Хрістовой, спасая и покрывая отъ бѣдъ, утѣшая въ скорбяхъ, вразумляя въ неудобовразумительныхъ случаяхъ, подкрѣ-

¹⁾ Какія богатѣйшія и благодарнѣйшія темы для особыхъ изслѣдованій могутъ давать: а) вліяніе на человѣческое сердце полныхъ возвышеннѣйшей поэзіи и вдохновенной глубины церковныхъ молитвословій, пѣснопѣній, стихирь, канонѣвъ и т. под., по отношенію къ которымъ, къ сожалѣнію, недостаетъ общаго вниманія и интереса; б) вліяніе на человѣческую волю ублажаемыхъ Церковью подвиговъ и жизни св. уродниковъ Божіихъ, среди которыхъ найдутся образцы для подражанія всякому возрасту, полу, званію и состоянію; или наконецъ, в) вообще глубокое дѣйствіе на всю душу человѣческую непредубѣжденно-искренняго свободно-усерднаго слѣдованія началамъ и завѣтамъ Церкви (значеніе поста и мудрость въ распредѣленіи постѣвъ въ теченіи года; мудрость въ распредѣленіи воспоминаемыхъ событій изъ жизни Спасителя и въ способахъ Церкви вызывать соответствующія настроенія, и т. п.).

пляя вѣру, согрѣвая сердце къ дѣламъ благочестія“, и пр. „Господь нашъ Иисусъ Хрістосъ со всѣми Своими Божественными чудесами какъ будто живетъ во плоти и въ наше время; мы видимъ Его рождающимся, обрѣзываемымъ, крещающимся, встрѣчаемымъ отъ Симеона въ церкви и пр. Какъ благодѣтельны для хрістіанъ и многознаменательны праздники Господни и вообще всѣ праздники! Господь—общій Спаситель для всѣхъ народовъ всѣхъ временъ и мѣстъ; а такъ какъ люди суть существа скоропреходящіе, смѣняются новыми людьми, то чтобы всѣмъ удѣлить такъ сказать, удовольствія—видѣть внутренно Спасителя и наслаждаться Его владычными странствіями на нашей землѣ, Церковь какбы повторяетъ Его рожденіе, обрѣзываніе, и пр.—какъ это хорошо для вѣры, для ея укрѣпленія!“ „Чувства, воспитываемыя церковнымъ обрядомъ, прекрасно говоритъ одинъ изъ современныхъ мыслителей (Поповъ, о самоуб.), приобрѣтаютъ непреодолимое вліяніе на волю, особенно въ силу повторенія. Вѣрный членъ Церкви, съ ранняго дѣтства и до гробовой доски подчиняющійся религіозному распорядку жизни, ежедневно и ежечасно испытываетъ на себѣ вліянія, исходяція отъ Церкви. Быть можетъ, эти вліянія, взятыя въ отдѣльности, мало отражаются на чувствѣ, но изъ безконечно-малыхъ величинъ часто создается великая сила. Лучъ солнца, капля воды и вѣяніе вѣтерка болѣе легкое, чѣмъ прикосновеніе бабочки, въ теченіе столѣтій размягчаютъ гранитъ и одѣваютъ зеленью бесплодный камень. Человѣкъ разсѣянно перекрестился на церковь и прошелъ мимо. Но въ его душу все же запала крупинка, которую мы не въ состояніи

взвѣситъ. Совокупность этихъ вліяній создаетъ хрістіанское направленіе воли, выдерживающее борьбу даже съ теоретическими сомнѣніями. Часто отрѣшившись отъ всѣхъ догматовъ, продолжаютъ жить по хрістіански. Состояніе мысли измѣнилось, но чувства и навыки остались тѣже. Флаконъ давно опустошенъ, но издаетъ еще аромать духовъ...“ Вообще не безъ основанія будетъ сказать, что не столько катихизическія поученія, сколько обряды и церковная дисциплина именно сдѣлали народы хрістіанскими. Какъ животный организмъ не можетъ питаться неорганическою пищею, усваяя минераль только уже въ видѣ растенія, превратившаго его въ живую клѣтку;— такъ и массы народныя не могутъ питаться духовно-философскими положеніями и отвлеченными догматическими формулами, и требуютъ предварительнаго преобразованія этой пищи въ болѣе пригодную для усвоенія форму. Давно и прекрасно сознавая это, Церковь и превращаетъ идеи въ чувства, а чувства старается внѣдрять въ душу силою постоянства своихъ воздѣйствій. Такъ она выражаетъ догматическія идеи въ священнѣхъ пѣснопѣніяхъ, полныхъ поэзіи, и богослужебныхъ дѣйствіяхъ, полныхъ глубокаго смысла, въ великолѣпнѣ храмовъ, въ торжественности архіерейскаго служенія, въ пышности и блескѣ церковныхъ процессій, въ контрастахъ церковнаго освѣщенія и облаченія священнослужителей, въ систематическомъ подготовленіи Пасхальнаго настроенія печальною монотонностью великопостной службы и торжественной трогательностью обрядовъ Страстной Седмицы. Вѣрующій выноситъ изъ Церкви настроеніе, но въ этомъ настроеніи скрыта идея, догматъ, лежащій въ основѣ обряда. Вѣдь мысль

и чувство—двѣ стороны одного и того же душевнаго настроенія. Мысль, глубоко проникшая въ душу, становится чувствомъ. Когда въ другомъ нужно вызвать чувства, волнующія насъ, мы дѣлаемъ это посредствомъ мыслей. Вотъ почему можно быть хрістіаниномъ, не зная догматики и не умѣя безъ ошибки пересчитать всѣ ея положенія. Вотъ почему также церковное богослуженіе, хотя бы иногда и не совсѣмъ понятное для ума простолюдина, неотразимо впечатлѣвается въ его сердце, и чрезъ это послѣднее является способнымъ дѣйствовать на всю душу, причемъ недостаточность отчетливыхъ понятій относительно нѣкоторыхъ истинъ хрістіанства вполне восполняется совершеннымъ усвоеніемъ настроенности, которая создается путемъ облеченія упомянутыхъ истинъ въ одежду обрядности. И какъ бѣдна была бы Церковь безъ этой чудной златотканной одежды, чрезъ которую она воплотила и изливаетъ неизсякаемую силу небесныхъ истинъ своей вѣры, — безъ этихъ умиленныхъ, глубоко-осмысленныхъ обрядовъ, священнодѣйствій, молитвословій и пѣснопѣній, вдохновенно вылившихся изъ самыхъ глубинъ сердца и души ея достойнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ, лучшихъ сыновъ, и ставшихъ ея достояніемъ и, поистинѣ, сокровищемъ на всѣ времена! Постоянно воспроизводя этими сокровищами все лучшее и возвышеннѣйшее въ дарахъ ума, сердца и всей души человѣка, она для всѣхъ временъ остается незамѣнимою молитвенницею, силою своей молитвы всегда способною проникать и увлекать молящихся до недостигаемыхъ высотъ неба. Она поетъ, славить Бога и преклоняетъ Его на милосердіе увлекательно - художественными гимнами своихъ великихъ

Святителей, чудными перлами богословствующей поэзіи Дамаскина и прочих пѣснописцевъ, не отвергаетъ вдохновенныхъ изліяній души даже простыхъ смертныхъ (пѣсни греч. Императоровъ: *Единородный Сыне, Иже херувимы* и др.), и увѣковѣчивая ихъ своимъ употребленіемъ, невольно заставляетъ забывать условія времени и пространственность нашего земнаго существованія и, поистинѣ, погружаетъ насъ въ условія жизни небесной, давая ощутить сердцу сладость самой вѣчности. Скажемъ болѣе: она возвышаетъ вѣрующаго въ сопричастіе и созерцаніе самого Престола Божія, приглашая съ предстоящими несогладимой славѣ Божества силами небесными славить Бога ангельскою трисвятою пѣснью: *Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ, исполни небо и земля славы Твоея!* „Святый Боже, Святый Иеръпкій, Святый Безсмертный!“ и т. д. Она есть, такимъ образомъ, какъ бы отраженіе славы небесной на землѣ, „врата небесная“ поистинѣ, чрезъ которыя мы сообщаемся и проникаемъ въ царство славы Божіей и міръ совершенныхъ духовъ неба. Проникаясь этими живыми стремленіями и усиліями Церкви, сознательно представляя ихъ смыслъ и важность, мы не можемъ не преклоняться предъ силою, высотой и величіемъ ея богослужебныхъ красотъ, и не можемъ не искать ихъ, не желать ихъ усвоенія и дѣятельнаго въ нихъ участія, не можемъ, проще сказать, не любить Церковь, не выражать этой любви полною солидарностію съ Церковію послушаніемъ ея руководству въ выраженіи нашей потребности служенія Богу, — „церковностію“... Своимъ безхитростнымъ сердцемъ православные русскіе люди искони вѣковъ ощутили и ощущаютъ всѣ указанныя до-

стоинства и значеніе Церкви, какъ посредницы между небомъ и землею, и искони вѣковъ съ довѣріемъ и любовью шествовали за Церковь, которая при всѣхъ внѣшнихъ измѣненіяхъ своего положенія, неизмѣнно остается на высотѣ своего внутренняго содержанія, на всѣ времена остается Церковію Апостольскою, Церковію Златоуста, Дамаскина, и др. вдохновенно-великихъ мужей и святителей ея цвѣтущихъ временъ.

Мы попытались отмѣтить и уяснить основную черту русскаго народнаго характера и русско-народной жизни. Мы нашли, что эта основная черта — церковность, жизнь въ духѣ завѣтовъ Св. Православной Церкви, въ любви, вѣрности и усердіи къ ней, послушаніи и строгомъ храненіи ея установленій. Теперь, если вѣрно то, что степень и мѣрка полезности, правильности и цѣлесообразности служенія народному благу должна опредѣляться строжайшимъ соотвѣтствіемъ этого служенія именно его дѣйствительному, а не предполагаемому благу, то мы должны согласиться, что надлежаще-правильное, единственно-полезное и законно-цѣлесообразное воспитаніе народа должно быть непременно отмѣчено печатью церковности. Глубоко ошибаются и тяжело погрѣшаютъ противъ цѣлаго народа тѣ мнящіеся служить его благу руководители и воспитатели, которые забываютъ это драгоцѣнное правило, и предпринимаютъ вести народъ по чуждымъ ему путямъ воспитанія и просвѣщенія, направленнаго и избрѣтаемаго не столько на образованіе „души“ идеально-народной, сколько на возможно благополучное устроеніе внѣшняго народнаго быта. Такая чисто практическая и почти единственная цѣль народнаго воспитанія и просвѣщенія пригодна болѣе

народамъ Запада, которые по самымъ особенностямъ своего характера, всего своего быта и исторіи, вынуждены держаться *практическаго* направленія и духа своей жизни. Русскій народъ— болѣе народъ вѣры и высшихъ потребностей духа. Правда, что эта вѣра и эти потребности далеко не дошли въ немъ еще до полного расцвѣта и уживаются въ немъ бокъ о-бокъ съ самыми печальными извращеніями и ненормальностями. Тѣмъ законнѣе задача его просвѣщенія и воспитанія должна состоять въ исправленіи, осмысленіи, углубленіи и уясненіи всѣхъ проявленій его религиозно-національной жизни, всего, чѣмъ его *душа* живетъ,

питається, украшается, и въ чемъ почерпаетъ свою мощь. Эти самыя цѣли и составляютъ основную задачу типа народныхъ школъ, именуемыхъ церковно-приходскими. Что именно и какъ можетъ и должно способствовать осуществленію этой задачи, мы попытаемся представить и уяснить въ нашемъ журналѣ, который весь предназначается служить посильному уясненію и осуществленію величайшаго и святаго дѣла—*истиннонароднаго* просвѣщенія и воспитанія...

(Продолженіе слѣдуетъ).

I. I.

ДОСТОЕВСКІЙ И ВОСПИТАНІИ.

Блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ“...

Когда не стало Достоевскаго, когда мгновенно сказавшееся, съ его смертью, чувство сиротства и пустоты стянуло къ праху этого близкаго, нужнаго, добраго человѣка многочисленныхъ его почитателей, когда каждый по своему выражалъ скорбь о дорогой ошутительной утратѣ, чья-то благодарная рука возложила на останки его вѣнокъ „отъ Русскихъ дѣтей“. Признательность понятная, хотя и не совсѣмъ обычная. „И еслибы тутъ этого вѣнка не было, то его-бы положительно не доставало“¹⁾.

Въ длинной вереницѣ яркихъ образовъ, въ ряду этихъ „бѣдныхъ лю-

дей“, скорбныхъ страдальцевъ, которыхъ по особому—„жалостью“ любилъ Достоевскій, немаловажное мѣсто отводится и дѣтямъ, значительная часть которыхъ пополняетъ въ жизни классъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“.. Онъ боялся за нихъ, боялся за ихъ „беззащитное“¹⁾ сердечко, болѣлъ о томъ, что они рано попадали въ водоворотъ житейской суеты и здѣсь или безвинно страдали, или-же, какъ маленькіе безпомощные неоперившіеся „птенички“, попадали въ тяжелую нравственную атмосферу, въ коей гибла чистота ихъ рвущейся къ свѣту дѣтской души. Достоевскій справедливо видѣлъ въ дѣтяхъ, съ одной стороны,

¹⁾ Ср. Орестъ Миллеръ, Русскіе писатели послѣ Гоголя, СПб. ч. 1-я, 1886 г. стр. 300.

¹⁾ Братья Карамазовы.

„образъ Христовъ“, а съ другой „будущее челоѣчество“¹⁾ и понятно, поэтому, его опасеніе за нравственное „избіеніе младенцевъ“ — этихъ будущихъ членовъ святой Руси.

Какъ психологъ, Достоевскій, въ видахъ предохраненія дѣтей отъ тлетворнаго вліянія ихъ родителей, воспитателей и вообще „большихъ“, легкомысленно, а иногда и злоумышленно упражняющихся надъ ихъ „живою душою“, немногими, но яркими штрихами мѣтко опредѣляетъ особенности психологической природы дѣтей и обращаетъ на эти особенности вниманіе тѣхъ, кому ввѣряется попеченіе о „малыхъ сихъ“. И здѣсь онъ отмѣчаетъ, прежде всего, ихъ особенную, дѣтски-наивную довѣрчивость. „А дѣткамъ что: было-бы солнышко, радуются, гибели не чувствуютъ, словно птички“²⁾... Они какъ „хорошенькіе птички глядятъ на васъ такъ довѣрчиво, ласково“³⁾... Дѣти — „вѣдь это голубчики“, какъ называетъ ихъ Алеша Карамазовъ, „потому что всѣ они похожи на нихъ, на этихъ хорошенькихъ сизыхъ птичекъ“... И хорошо, привольно было-бы этимъ птичкамъ, сизымъ голубчикамъ, если бы для нихъ не разставляли силковъ, если бы они не падали жертвою всевозможной пропаганды⁴⁾, разбивающей всѣ лучшія вѣрованія, всѣ лучшія стремленія православно-русской души.. Эта дѣтская довѣрчивость и соединенныя съ ней любопытство, всѣмъ извѣстная наблюдательность, вдумчивость и чуткость инстинктивно постигающаго сердца даютъ возможность или развивать, при благопріятныхъ

обстоятельствахъ, дѣтскій инстинктъ — тотъ инстинктъ добра, упорную живучесть котораго любилъ выставлять Достоевскій¹⁾, или, наоборотъ, открываютъ лазейку, чрезъ которую прокрадывается нравственная порча... При этомъ основной законъ развитія личности, какъ и цѣлаго общества, таковъ, что однажды усвоенныя задатки почти всегда служатъ основнымъ тономъ и всей послѣдующей жизнедѣятельности. Истина безспорная, что „въ свое время должно всё возстать и откликнуться“²⁾, откликнуться потому, что „всѣ, какъ океанъ, всё течетъ и соприкасается: въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ міра отдастся“³⁾. И ребенокъ — „юнь онъ, но въ сердцѣ его неизгладимо, навсегда остается и таится чувство“, которое заставляло когда-то биться это дѣтское сердце. „Судьба, говоритъ, напимѣрь, у Достоевскаго Нечочка, хранила меня: то, что я узнала и выжила до сихъ поръ, было такъ благородно, такъ строго... Меня хранилъ мой дѣтскій инстинктъ, мой ранній возрастъ и всё мое прошлое“. И впечатлѣнія дѣтства дѣйствительно хранятъ, хранятъ какъ Нечочку, и оберегаютъ подрастающее поколѣніе отъ грязныхъ, развращающихъ впечатлѣній.. „Знайете-же, внушаетъ Алеша Карамазовъ дѣткамъ, что ничего нѣтъ выше и сильнѣе и здоровѣе и полезнѣе впредь для жизни, какъ хорошее какое нибудь воспоминаніе и особенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома. Вамъ много говорятъ про воспитаніе ваше, а вотъ какое нибудь этакое, прекрасное, святое воспоминаніе, сохранен-

1) Преступленіе и Наказаніе.

2) Подростокъ.

3) Идіотъ.

4) Поясненіе и развитіе этой мысли см. у О. Миллера стр. 304.

1) Ibid. 313.

2) Братья Карамазовы.

3) Ibid.

ное съ дѣтства, можетъ быть, самое лучшее воспитаніе и есть. Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминаніе при насъ останется въ нашемъ сердцѣ, то и то можетъ послужить какъ нибудь намъ во спасеніе. Можетъ быть, мы станемъ даже злыми потомъ, даже предъ дурнымъ поступкомъ устоять будемъ не въ силахъ, надъ слезами человѣческими будемъ смѣяться, и надъ тѣми людьми, которые говорятъ, вотъ какъ давеча Коля воскликнулъ: „хочу пострадать за всѣхъ людей“, — и надъ этими людьми, можетъ быть, злобно издѣваться будемъ. А все таки какъ ни будемъ мы злы, чего не дай Богъ, но какъ вспомнимъ про то, какъ мы хоронили Илюшу, какъ мы любили его въ послѣдніе дни, и какъ вотъ сейчасъ говорили такъ дружно и такъ вмѣстѣ..., то самый жестокой изъ насъ человѣкъ и самый насмѣшливый, если мы такими сдѣлаемся, всетаки не посмѣетъ внутри себя посмѣяться надъ тѣмъ, какъ онъ былъ добръ и хорошъ въ эту теперешнюю минуту! Мало того, можетъ быть, именно это воспоминаніе одно его отъ великаго зла удержитъ. И онъ одумается и скажетъ: „да, я былъ тогда добръ, смѣлъ и честенъ“.

Итакъ, дѣтскій инстинктъ добра, усиленный вынесенными съ дѣтства хорошими впечатлѣніями и воспоминаніями можетъ спасти человѣка во всю его жизнь.

Если же такъ, если таково значеніе воспоминанія дѣтства, то понятна вся та отвѣтственность, которой подпадаютъ руководители слабаго, беззащитнаго „дитѣ“, которое можетъ защищаться развѣ только тѣмъ, что умѣетъ плакать, плакать и озираться

въ то-же время, какъ-бы и за это его „больно“ не наказали... Въ виду этого первое, съ чѣмъ долженъ приступать къ воспитанію руководитель дѣтей—это „смирная любовь“ и соединенная съ ней осмотрительность въ поступкахъ ¹⁾. „Дѣтокъ любите особенно, говоритъ старецъ Зосима, ибо они... яко ангелы, и живутъ для умиленія нашего, для очищенія сердець нашихъ и какъ нѣкое указаніе намъ. Горе оскорбившему младенца! А меня отецъ Анѣимъ училъ дѣтокъ любить: онъ, милый и молчащій, въ странствіяхъ нашихъ, на подаянные грошики имъ пряничковъ и леденцу, бывало, купить и раздасть; проходить не могъ мимо дѣтокъ безъ состраданія душевнаго: таковъ человѣкъ“. И отецъ Анѣимъ, истинно-русская душа, понималъ тайну вліянія на дѣтей, которая заключалась въ безконечной любви къ дѣтямъ ²⁾. Надо отдаться дѣлу воспитанія всею душою, нужно не только учить о любви, но и воплощать ее въ себѣ, тогда оно пойдетъ хорошо—вотъ и вся педагогія. „Предъ иною мыслию станешь въ недоумѣніи,—разсуждаетъ старецъ Зосима о силѣ „смирной любви“ и о ея значеніи, между прочимъ, и въ дѣлѣ воспитанія дѣтей,—и спросишь себя: „взяли силой или смиренною любовью?“ Всегда рѣшай: „возьму смиренною любовью“. Рѣшишься такъ развѣ навсегда, и весь міръ покорить можешь. Смирненіе любовное—страшная сила, изо

¹⁾ Братья Карамазовы.

²⁾ Эта же мысль развивается Достоевскимъ и въ его романѣ „Идіотъ“, гдѣ „болѣзненный отпрыскъ захудалыхъ князей Мышкиныхъ“ противопоставляетъ „амбиціонному профессору религіи“, въ Швейцаріи, тихую проповѣдь внѣ храма, въ которой сохранился духъ настоящей Христовой Церкви, духъ безграничной любви къ дѣтямъ.

всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего. На всякій день и часъ, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтобъ образъ твой былъ благоглѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный, со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливою душой; ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя и образъ твой, неприглядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ сего, а, можетъ быть, ты уже тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возростеть оно, пожалуй, а всё потому, что ты не уберегся предъ дитятей, потому что *любви осмотрительной, дѣятельной не воспиталъ въ себѣ*. Братъ, *любовь учительница*, но нужно умѣть ее приобрѣсти, ибо она трудно приобрѣтается, дорого покупается, долгою работой и чрезъ долгій срокъ, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срокъ. А случайно-то и всякъ полюбить можетъ!“... *... и въ томъ, что*

Разсуждать-же такъ, что ребенку нуженъ только хлѣбъ и нѣкоторые удобства жизни, забывать его душу съ ея восприимчивостію и впечатлительностію—это значитъ не понимать природы ребенка. На сужденія такія способны только заѣвшіеся люди, подобные Максиму Иванычу. „У меня-ли не житье! У матери босой бѣгалъ, корки жевалъ, съ чего жъ онъ еще пуще прежняго хилъ?“—дивится Максимъ Иванычъ у Достоевскаго ¹⁾. Все представилъ онъ ребенку: „взялъ его изъ грязи, въ драдедамъ одѣлъ, полсапожки матерчатые, рубашку съ вышивкой купилъ“.. И все ни почемъ. Максимъ Иванычъ скоро долженъ *... и въ томъ, что*

былъ убѣдиться, что не въ этомъ дѣло. Ребенку нужна любовь, нужна ласка, нуженъ добрый взглядъ.. Вотъ почему принятый Максимомъ Иванычемъ отъ бѣдной матери ребенокъ не былъ „привержень“ къ нему, смотрѣлъ на него какъ „волченочъ“, готовый убѣжать отъ него. „И вѣдь даже ни разу лозы не употребилъ,—запугалъ онъ его, вотъ что. Безъ лозы запугалъ“, запугалъ своимъ безсердечіемъ, запугалъ до того, что скоро „случилось дѣло“: ребенокъ погибъ. Резвившійся мальчикъ однажды неосторожно задѣлъ фарфоровую лампу. „Лампа-то грохнулась, да на полъ, да въ дребезги, ажно по всему дому зазвенѣло, вещь дорогая—фарфоръ саксонскій“. И въ добавленіе къ этой неожиданности предъ ребенкомъ появился Максимъ Иванычъ. Ребенокъ бросился вонъ, въ садъ, къ рѣчкѣ.. „А мѣсто это широкое, рѣка быстрая, барки проходятъ“... А за мальчикомъ озвѣрѣвшій Максимъ Иванычъ кричить: „держи его!“ „Мальчикъ какъ вспомнилъ *про все*, вскрикнулъ, бросился къ водѣ, прижалъ себѣ къ обѣимъ грудкамъ по кулачку, посмотрѣлъ въ небеса (видѣли, видѣли!) да бухъ въ воду!... Такой грѣхъ!!! Богъ - Судья этому ребенку.“ А что можетъ сказать въ свое оправданіе *подобный руководитель и воспитатель* малютки, который отвращаетъ отъ себя дѣтское сердечко и губить ребенка?! Вѣдь не напрасно же затосковала душа Максима Иваныча, не безъ причины-же онъ задумался надъ словами: „*а иже аще соблазнитъ единаго малыахъ сихъ, вѣрующахъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его...*“ (Мѡ. 18, 6)“. Задумались-бы, можетъ быть, многіе и изъ современныхъ педагоговъ — руководителей дѣтей надъ своими промахами, если-бы Промыслу угодно

было осязательнѣе показать имъ всѣ плоды ихъ просвѣщенія...

Нѣтъ это не воспитаніе. Ребенку нужна здоровая пища, отъ которой могъ-бы окрѣпнуть на все послѣдующее время его духовный организмъ. Нужно оберегать дѣтское сердце, какъ источникъ и хранилище чувства, которое должно потомъ освѣщать ему весь жизненный путь. А для этого слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы у каждаго человѣка отъ лѣтъ его дѣтскаго и школьнаго возраста оставалось какъ можно болѣе свѣтлыхъ, святыхъ воспоминаній, потому что „нѣтъ драгоцѣннѣе воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства“¹⁾. „Была у меня тогда книга, священная исторія,—таковы спасительныя воспоминанія старца Зосимы отъ дней его дѣтства,—съ прекрасными картинками, подъ названіемъ: „Сто четыре священныя исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“, и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоцѣнную память сохраняю. Но и до того еще какъ читать научился, помню, какъ въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе духовное, еще восьми лѣтъ отъ роду. Повела матушка меня одного (не помню, гдѣ былъ тогда братъ) во храмъ Господень, въ Страстную недѣлю, въ понедѣльникъ, къ обѣднѣ. День былъ ясный и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносился изъ кадила еиміамъ и тихо восходилъ вверхъ, а сверху, въ куполѣ, въ узенькое окошечко, такъ и льются на насъ въ церковь Божья лучи и, восходя къ нимъ волнами, какъ-бы таялъ въ нихъ еиміамъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ роду принялъ я тогда въ душу первое сѣмя Слова Бо-

жія осмысленно. Вышелъ на середину храма отрокъ съ большою книгой, такою большою, что показалось мнѣ тогда съ трудомъ даже и несть ее, и возложилъ на налой, отверзъ и началъ читать, и вдругъ я тогда въ первый разъ нѣчто понялъ, въ первый разъ въ жизни понялъ, что во храмѣ Божіемъ читають. Былъ мужъ въ землѣ Уцъ, правдивый и благочестивый, и было у него столько-то богатства, столько-то верблюдовъ, столько-то овецъ и ословъ, и дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень, и молилъ за нихъ Бога: можетъ, согрѣшили они веселясь. И вотъ восходитъ къ Богу діаволь вмѣстѣ съ сынами Божими и говоритъ Господу, что прошелъ по всей землѣ и подъ землею. А видѣли раба Моего Іова? спрашиваетъ его Богъ. И похвалился Богъ діаволу, указавъ на великаго святаго раба Своего. И усмѣхнулся діаволь на слова Божіи: „предай его мнѣ и увидишь, что возропцетъ рабъ твой и проклянетъ Твое имя“. И предалъ Богъ Своего праведника, столь имъ любимаго, діаволу и поразилъ діаволь дѣтей его, и скоть его, и разметалъ богатство его, все вдругъ, какъ Божіимъ громомъ, и разодралъ Іовъ одежды свои и бросился на землю, и возопилъ: „нагъ вышелъ изъ чрева матери, нагъ и возвращуся въ землю, Богъ далъ, Богъ и взялъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!“ Отцы и учителя, пощадите теперешнія слезы мои,—ибо *все младенчество мое какъ бы вновь возстаетъ предо мною*, и дышу теперь какъ дышалъ тогда дѣтскою восьмилѣтнею грудкой моею, и чувствую, какъ тогда, удивленіе и смятеніе, и радость. И верблюды-то такъ тогда мое воображеніе заняли, и сатана, который такъ съ Богомъ говоритъ, и Богъ, отдавшій раба

1) Братья Карамазовы

Своего на погибель, и рабъ Его восплицающій: „Буди имя Твое благословенно, не смотря на то, что казнишь меня“,—а затѣмъ тихое и сладостное пѣніе во храмѣ: „Да исправится молитва моя“, и снова ѳиміамъ отъ кадила священника и колѣнопреклоненная молитва! Съ тѣхъ поръ, — даже вчера еще взялъ ее, и не могу читать эту пресвятую повѣсть безъ слезъ. А и сколько тутъ великаго, тайнаго, невообразимаго!.. Что за книга это Священное Писаніе, какое чудо и какая сила, данныя съ нею человѣку! Точно изваяніе міра и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и указано на вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и откровенныхъ: вмѣсто юной кипучей крови наступаетъ теперь кроткая ясная старость: благословляю восходъ солнца ежедневный, и сердце мое по прежнему поетъ ему, но уже болѣе люблю закатъ его, длинные косые лучи его, а съ ними *тихія, кроткія умиленные воспоминанія, милые образы* изъ всей долгой и благословенной жизни, — а надо всё-то правда Божія умиляющая, примиряющая, всепрощающая! Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый оставшійся день мой, какъ жизнь моя земная соприкасается уже съ новою, безконечною, невѣдомою, но близко грядущею жизнью, отъ предчувствія которой восторгомъ трепещетъ душа моя, сіяетъ умъ и радостно плачетъ сердце... Други и учителя, слышалъ я не разъ, а теперь, въ послѣднее время, еще слышнѣе стало о томъ, какъ у насъ іереи Божіи, а цуще всего сельскіе, жалуются слезно и повсемѣстно на малое свое содержаніе и униженіе свое... Господи! думаю, дай Богъ имъ болѣе сего столы, драгоценнаго для нихъ содержанія (ибо справедлива и ихъ жа-

лоба), но воистину говорю: если кто виновать сему, то на половину мы сами!.. Собери онъ разъ въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только хоть дѣтокъ, — прослышать отцы и отцы приходятъ начнутъ... Разверника онъ имъ эту книгу и начни читать безъ премудрыхъ словъ и безъ чванства, безъ возношенія надъ ними, а умиленно и кротко, самъ радуясь тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и понимаютъ тебя, самъ любя словеса сіи, изрѣдка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолудину слово, — не безпокойся, поймутъ все, все пойметъ православное сердце! Прочти имъ объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ какъ Іаковъ пошелъ къ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: „Страшно мѣсто сіе“, и поразишь благочестивый умъ простолудина. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ какъ братья продали въ рабство родного брата своего, отрока милаго, Іосифа, сновидца и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь разтерзаль его сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ потомъ братья пріѣзжали за хлѣбомъ въ Египеть, и Іосифъ, уже царедворецъ великій, ими не признанный, мучилъ ихъ, обвинилъ, задержалъ брата Веніамина, и все любя: „Люблю васъ и любя мучаю“. Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неустанно, какъ продали его гдѣ-нибудь тамъ въ горячей степи, у колодца, купцамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ братьевъ не продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидя ихъ послѣ столькихъ лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, но томилъ ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконецъ, отъ нихъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на одръ свой и плачетъ

утираеть потомъ лицо свое и выходитъ сіяющъ и свѣтель и возвѣщаетъ имъ: „Братья, я Іосифъ, братъ вашъ!“ Пусть прочтеть онъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ Іаковъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египетъ, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ, изрекши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, вмѣщавшееся таинственно въ короткомъ и боязливомъ сердцѣ его во всю его жизнь, о томъ, что отъ рода его, отъ Луды, выйдетъ великое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и учителя, простите и не сердитесь, что какъ малый младенецъ толкую о томъ, что давно уже знаете и о чемъ меня - же научите, стократъ искуснѣе и благолѣпнѣе. Отъ восторга лишь говорю сіе и простите слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и онъ, іерей Божій, и увидитъ, что сотрясуются въ отвѣтъ ему сердца его слушающихъ. *Нужно лишь малое стѣмя, крохотное: брось онъ его въ душу простолюдина, и не умретъ оно, будетъ жить въ души его на всю жизнь, таится въ немъ среди мрака, среди смрада грѣховъ его, какъ свѣтлая точка, какъ великое напоминаніе.* И не надо, не надо, много толковать и учить, все пойметъ онъ просто... Кто не вѣритъ въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ. Кто-же увѣровалъ въ народъ Божій, тотъ узритъ и святыню его, хотя-бы и самъ не вѣрилъ въ нее до того вовсе. Лишь народъ и духовная сила его грядущая обратитъ отторгнувшихъ отъ родной земли атеистовъ нашихъ. И что за слово Христово безъ примѣра? Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ душа его Слова и всякаго прекраснаго воспріятія. Въ юности моей, давно уже, чуть не сорокъ лѣтъ тому, ходили мы

съ отцомъ Аноимомъ по всей Руси, собирая на монастырь подаяніе, и заочевали разъ на большой рѣкѣ судоходной, на берегу, съ рыбаками, а вмѣстѣ съ нами присѣлъ одинъ благообразный юноша, крестьянинъ, лѣтъ уже восемнадцати на видъ, поспѣшаль онъ къ своему мѣсту на завтра купеческую барку бичевою тянуть. И вижу я, смотритъ онъ предъ собой умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая, теплая, іюльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается, свѣжить насъ, слегка всплеснетъ рыбка, птички замолкли, все тихо, благолѣпно, все Богу молится. И не спимъ мы только оба, я да юноша этотъ, и разговорились мы о красѣ міра сего Божьяго и о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчела золотая, всѣ-то до изумленія знаютъ путь свой, не имѣя ума, тайну Божию свидѣтельствуютъ, непрерывно совершаютъ ее сами, и, вижу я, разгорѣлось сердце милого юноши. Повѣдалъ онъ мнѣ, что лѣсъ любитъ, птичекъ лѣсныхъ; былъ онъ птицеловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку приманить умѣлъ: лучше того какъ въ лѣсу ничего я, говорить, не знаю, да и все хорошо. „Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо и великолѣпно, потому что все истина. Посмотри, говорю ему, на коня, животное великое, близь человѣка стоящее, али на вола, его питающаго и работающаго ему, понураго и задумчиваго, посмотри на лики ихъ: какая кротость, какая привязанность къ человѣку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая довѣрчивость и какая красота въ его ликѣ! Трогательно даже это и знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все совершенно, все кромѣ человѣка безгрѣшно, и съ ними Христосъ еще

раньше нашего“. „Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ Христось?“ — „Какъ-же можетъ быть иначе, говорю ему, для всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ устремляется къ слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, говорю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и свирѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный“. И разсказаль я ему, какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спасшемуся въ лѣсу, въ малой келійкѣ, и умилился надъ нимъ великій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подаль ему хлѣба кусокъ: „Ступай, дескать, Христось съ тобой“, и отошелъ свирѣпый звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился юноша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что съ нимъ Христось. „Ахъ, какъ,

говорить, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно!“ Сидитъ, задумался тихо и сладко. Вижу, что понималъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, безгрѣшнымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за него самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ людямъ!“

И этотъ миръ и этотъ свѣтъ разумѣется болѣе будетъ видѣряться въ людяхъ, если этому будутъ служить руководители подростяющаго поколѣнія.

„Берегите-же народъ и оберегайте его, ибо нашъ народъ Богоносецъ“ — таковъ завѣтъ великаго писателя, завѣтъ обращенный ко всѣмъ труженикамъ на нивѣ дѣтскихъ сердецъ: берегите, оберегайте дѣтокъ, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ!*..

Димитрій Введенскій.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе ¹).

II.

Посмотримъ теперь, что говорилъ о. Михаилъ собственно о церковно-приходской школѣ и ея значеніи въ народной жизни. Свои взгляды по этому вопросу онъ особенно подробно отмѣтилъ въ полубеллетристической статьѣ, помѣщенной имъ въ „Душеполезномъ Читеніи“ за 1899 годъ, подъ заглавіемъ; „Современныя бесѣды“. Вотъ какія рѣчи влагаетъ онъ въ уста почтеннаго старца священника о. Алексея по поводу газетныхъ толковъ о

народной школѣ. „Боже, договоримся ли мы когданибудь до настоящей сути? Скоро ли честно сознаемъ ту истину, что одна грамота, одно знаніе обрывковъ современной науки еще не великое благо,—даже напротивъ... Что такое свѣтъ знанія? Это—фонарь. Правда, съ фонаремъ легче идти, чѣмъ въ потемкахъ, но вѣдь главное—*кто* идетъ и *зачѣмъ* идетъ...“

„Нашему народу слѣдуетъ сообщить не только извѣстную сумму знаній,

¹ См. № 1.

но и дать ему твердую нравственную устойчивость, воспитать въ немъ глубокое чувство долга, своихъ хрістіанскихъ обязанностей. А между тѣмъ люди какъ будто позабыли, что, кромѣ шумной, суетливой жизни, у человѣка есть еще внутренній міръ, и этотъ міръ, можетъ быть, несравненно богаче, чѣмъ самая богатая дѣйствительность, что если астрономы повѣдаютъ намъ о „глубинахъ бездонныхъ“, гдѣ движутся милліоны вѣковыхъ свѣтилъ, если публицистъ ежедневно открываетъ предъ нами калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ происшествій отъ великаго и ужасающаго до пошлаго и смѣшнаго, если естествовѣды говорятъ намъ о неописуемомъ разнообразіи твореній въ Божьемъ мірѣ, то вѣдь и во внутреннемъ мірѣ души человѣческой есть также и глубины бездонныя, и столь же неисчерпаемое богатство жизни, и еще болѣе чарующая, чѣмъ вся слава небесъ, красота образа Божія въ человѣкѣ. А между тѣмъ внутренній міръ души человѣческой какъ будто совсѣмъ забытъ, заброшенъ и кажется пустымъ и безсодержательнымъ. Оставшись наединѣ съ самимъ собой, человѣкъ скучаетъ и спѣшитъ занять себя какими бы то ни было развлеченіями. Равновѣсіе нарушено. Пренебрегши внутреннимъ міромъ, человѣкъ теряетъ *въ самомъ себѣ твердую опору и становится игрушкой внѣшнихъ обстоятельствъ*. Современный человѣкъ не столько старается руководить обстоятельствами, сколько плыветъ по теченію. Посудите, какъ мы будемъ учить крестьянина внутренней устойчивости, чувству долга и отвѣтственности предъ семьей и государствомъ, когда въ насъ самихъ мало всего этого?

„Главною причиною этого печальнаго явленія слѣдуетъ считать отдаленіе

общества отъ Церкви. Только вѣдь св. Церковь напоминаетъ намъ среди смутной, суетливой и измѣнчивой дѣятельности о величавыхъ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началахъ, глубоко заложенныхъ въ душѣ человѣка, о цѣли и смыслѣ его земного существованія, о достоинствѣ души человѣческой, гибель которой не искупятъ всѣ сокровища міра. Многіе ли изъ современнаго общества считаютъ непремѣннымъ долгомъ для себя и для членовъ своей семьи обязательное посѣщеніе храма Божія въ воскресные и праздничные дни? А если и бываютъ въ церкви, то принимаютъ ли къ сердцу глубокіе уроки хрістіанскихъ, праздниковъ, принимая мыслью и сердцемъ къ священнымъ воспоминаніямъ? Какъ часто хотѣлось бы представить въ своемъ воображеніи картину семьи, собравшейся наканунѣ великаго праздника вокругъ главы дома и бесѣдующей о священныхъ событіяхъ и извлекающей для себя изъ нихъ великіе священные уроки! Но, чувствуешь, что среди современной дѣйствительности эта картина не болѣе лишь какъ прекрасная мечта...

„Народъ нашъ страдаетъ отъ недостатка сознательной жизни, отъ слѣпоты, отъ отсутствія своей православной русской культуры, а образованное общество заразилось недугами Запада. Но, знайте, что русскій человѣкъ никогда не можетъ отдаться *всецѣло* внѣшнему міру... Западъ тѣмъ и силенъ, что отдался *весь* беззавѣтно и *всецѣло* *внѣшней культурѣ*, отвергнувши сознательно вѣру въ сверхъ-чувственный міръ. Отсюда — цѣльность его стремленій; отсюда сосредоточенная энергія его духа, отсюда блестящая внѣшность его культурной жизни. Но вѣдь не все то золото, что блеститъ. Не хочу быть пророкомъ несчастія,

но... страшно становится подъ-часъ при иныхъ проявленіяхъ западно-европейской жизни...

„Слава Богу мы имѣемъ другіе идеалы...

„О, если бы наше образованное общество, подъ знаменемъ св. Церкви, прониклось серіозною заботой хотя бы о народномъ просвѣщеніи, — духовенство первое возрадовалось бы тому! И, благодареніе Господу, уже много вѣрныхъ чадъ св. Церкви, изъ нашего образованнаго общества, правильно понимаютъ задачи народной школы, и не все ли равно — гдѣ они трудятся — въ земскихъ или въ церковныхъ школахъ?

„Но все же образованное общество должно бы болѣе серіозно и глубоко относиться къ столь великому дѣлу; какъ руководство народнымъ образованіемъ. Это отчасти и вызвало необходимость церковной школы.

„Дѣло въ томъ, что при учрежденіи народныхъ школъ проявились стремленія уже коснуться завѣтнѣйшихъ вѣрованій народа... Народъ не захотѣлъ такой школы, которая отвращала бы его дѣтей отъ „божественнаго“... Будемъ надѣяться, что могучій подъемъ народнаго самосознанія окончательно отрезвитъ наше образованное общество отъ всякихъ блужданій по распуціямъ. Лучшіе умы нашего времени сознаютъ это. Покойный критикъ Н. Н. Страховъ еще въ 1882 г. вотъ что писалъ между прочимъ: „Народъ, какъ огромный балластъ, лежащій въ глубинѣ нашего государственнаго корабля, одинъ даетъ этому кораблю его прямое и могучее движеніе, несмотря ни на какіе внѣшніе вѣтры и бури, несмотря ни на какую вѣтреность кормчихъ и капитановъ. Эту безсознательную жизнь, эту духовную силу, исполненную такого смиренія и такого

могущества, намъ слѣдуетъ привести себѣ къ сознанію, и ею одушевить наше просвѣщеніе“¹⁾. Образование необходимо для народа, но прежде всего для того, чтобы народъ нашъ сознательнѣе, разумнѣе, а слѣдовательно — и глубже относился къ тому, что, такъ сказать, врождено ему, что живетъ въ его вѣрующемъ сердцѣ. Дитя можетъ глубоко напитаться животворнымъ духомъ св. вѣры отъ родителей, отъ среды, отъ священныхъ впечатлѣній храма, но вѣдь этого недостаточно; необходимо озарить для него свѣтомъ христіанскаго сознанія то, что воспринято непосредственнымъ чувствомъ. Или вотъ какъ это выражаетъ Арсаковъ: „Съ церковнымъ строемъ крестьянскій мальчикъ находится въ привычной связи посредствомъ обрядовъ, общественнаго въ храмѣ Богослуженія и совершенія священныхъ таинствъ; — слѣдовательно, школѣ остается только осмыслить и освѣтить для него эти бытовые узы, укрѣпить ихъ въ его чувствѣ и сознаніи, еще крѣдче связать его съ храмомъ, который для народа былъ и пребываетъ сокровищницей высшихъ нравственныхъ наставленій, святыхъ впечатлѣній и благихъ эстетическихъ наслажденій. Велико значеніе храма и всего Богослужбенаго чина въ жизни народной!.. Храмъ Божій соблюлъ въ нашемъ народѣ, сквозь тысячелѣтіе жидейской тьмы и удушья, текущихъ нуждъ и всяческихъ испытаній, христіанскую душу... Не къ язычникамъ обращается школа, а къ народу, исповѣдующему христіанство съ давнихъ временъ, къ народу, котораго весь бытъ, весь годовой кругъ жизни и дѣятельности связанъ съ христіанскимъ культомъ... Внимая въ церкви „глаголамъ жизни“, онъ вне-

¹⁾ Н. Страховъ. Борьба съ западомъ, XI.

млетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отеческому преданію. Но темень онъ, крестьянинъ, тщетно напрягаетъ слухъ, — смыслъ множества словъ, символическое значеніе обрядовъ, послѣдовательность и полнота Божьяго откровенія отъ него ускользають при Богослуженіи. И говоритъ онъ себѣ: неученье—тьма, ученье—свѣтъ. И съ радостью встрѣтитъ онъ каждую школу, которая во истину поведетъ его къ свѣту, приподниметъ его въ высшій духовный міръ, сдѣлаетъ ему доступнымъ разумѣніе слова Божія“ (т. IV, 725—732). Глубокій религиозный инстинктъ нашего народа спасетъ еще разъ и наше образованное общество... Нашъ народъ никогда не отдавался *весь* исключительно матеріальнымъ и государственнымъ интересамъ, а, напротивъ, постоянно жилъ и живетъ въ нѣкоторой духовной области, въ которой видитъ свою родину, свой высшій интересъ... Повторяю еще разъ, могучая волна, поднявшаяся со дна великой народной души, еще разъ вынесетъ утлую ладью нашего заимствованнаго образованія въ надежную пристань...

„Не рѣдко приходилось мнѣ слышать, что первоначальная школа должна отличаться отъ средней тѣмъ, что, научивъ грамотѣ, сообщаетъ лишь элементарныя свѣдѣнія изъ наукъ, которыя затѣмъ расширяются въ средней школѣ и т. д. Словомъ все различіе—въ объемъ знанія. Но это не вполне справедливо. Наблюдали ли вы за жизнью дѣтей? Сперва дитя живетъ и руководится лишь движеніями своего сердца: его дѣйствія исходятъ изъ врожденныхъ потребностей и вліянія ощущеній. Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ выходитъ изъ дѣтскаго состоянія, онъ ставитъ себѣ вопросъ: что я долженъ *дѣлать*? Забудьте—не чтó мнѣ *знать*... Если бы

дѣло касалось какой-нибудь опредѣленной практической задачи, наприкладъ, вопроса, что мнѣ дѣлать, чтобы стать инженеромъ, отвѣтъ былъ бы ясенъ: поступить въ инженерное училище. Но человѣкъ, начавшій жить сознательною жизнью, задаетъ вопросъ не о томъ. Онъ еще не имѣетъ опредѣленной практической задачи. Онъ спрашиваетъ себя: что онъ долженъ дѣлать *какъ* *человѣкъ*? Но этого вопроса нельзя рѣшить, не зная назначенія человѣка, конечныхъ цѣлей его жизни. А назначенія человѣка нельзя рѣшить, не зная смысла и цѣли міровой жизни, не усвоивъ себѣ опредѣленнаго міросозерцанія. *Отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ и значеніи жизни всегда давала людямъ только религія.* И вотъ, первоначальная школа и должна дать отвѣтъ на первоначальный вопросъ, возникающій въ душѣ человѣка. Возникнетъ затѣмъ много другихъ вопросовъ,—отвѣтъ на нихъ и дадутъ другія школы. Что касается дѣтскихъ силъ, то не думайте, что этотъ вопросъ такъ далекъ отъ дѣтскаго разумѣнія. Вотъ вамъ два мнѣнія: одно православнаго святителя-подвижника, другое — протестантскаго ученаго. „Истина доступна всякому, говоритъ святитель Теофанъ. Что малое хрістіанское дитя премудрѣе философовъ—показалъ опытъ. Онъ и теперь повторяется, но прежде онъ былъ повсюду. Наприкладъ, во время мученичества, малыя дѣти разсуждали о Господѣ Спасителѣ, о безуміи идолопоклонства, о будущей жизни; это оттого, что мать или отецъ бесѣдовали съ ними. Истины эти сроднились съ сердцемъ, которое стало дорожить ими до готовности на смерть за нихъ... Нѣтъ нужды, что все это обращается къ иному невидимому міру. У дѣтей есть къ тому предрасположеніе“... 1)

1) Путь ко спасенію.

„Христіанское воспитаніе, говоритъ протестантскій ученый, соответствуетъ истиннымъ и глубокимъ потребностямъ души... Едва малюткѣ рассказали о Богѣ, едва произнесли предъ нимъ Его святое Имя, какъ онъ уже понялъ то, что мудрецы зачастую уже разучились понимать. Это Имя пробуждаетъ въ немъ ясную и истинную идею, которая кажется какъ бы запечатлѣнною рукой Самого Создателя въ его сердцѣ. При первомъ же соприкосновеніи съ Божественнымъ, душа человѣческая слышитъ чудную гармонію, какъ бы внимаешь небесной арфѣ, воспѣвающей Господа... И не одна только идея Бога пробуждается подобнымъ образомъ въ ребенкѣ; когда ему говорятъ объ Иисусѣ Христѣ, онъ понимаетъ все тотчасъ же и скоро начинаетъ испытывать безотчетную любовь къ Его Лицу. Кто слышалъ ребенка бесѣдующаго съ матерью о тайнахъ спасенія и креста и видѣлъ при этомъ его влажный ротъ слезъ взоръ, когда ему рисовали искупительныя страданія; кто удержалъ въ памяти слова его, исполненныя и глубины и простоты, кто слышалъ, наконецъ, его молитву, столь простую и вмѣстѣ съ тѣмъ столь правдивую, тотъ съ благоговѣніемъ повторитъ слово Иисуса Христа: „Благодарю Тебя за то, что Ты открылъ это дѣтямъ!“ О, ребенокъ съ своею простотою и прямодушіемъ является зачастую великимъ богословомъ! Что его трогаетъ въ Евангеліи, — это самое существенное, и мы многому бы могли поучиться у него“¹⁾.

„Прислушайтесь, присмотритесь къ работѣ, происходящей въ ульѣ... Но отнимите, удалите матку... Вдругъ, вмѣсто прежней кипучей работы, все

точно замретъ... Такъ и въ человѣкѣ. Онъ можетъ быть обогащенъ множествомъ знаній, но если у него нѣтъ одного, главнаго, именно того, что даетъ смыслъ его дѣятельности, если онъ не знаетъ, во имя чего онъ живетъ, принесутъ ли ему пользу знанія? Въ томъ-то и дѣло, что мы просматриваемъ обыкновенно въ человѣкѣ неистребимое благородство его природы: онъ желаетъ жить не во имя свое, не для себя, не для наслажденій... Наука не можетъ дать ему рѣшенія вопросовъ о цѣли и смыслѣ его существованія, а безъ этихъ вопросовъ, безъ такого или иного рѣшенія ихъ человѣкъ — улей безъ матки. Въ немъ нѣтъ бодрости духа, нѣтъ энергии, нѣтъ центра сосредоточенія его силъ... Поймите, что никакой даже и матеріальный прогрессъ невозможенъ, если человѣчество теряетъ въ завѣтные идеалы. Ищите прежде царствія Божія, и все остальное придетъ къ вамъ! Задача церковной школы въ томъ и состоитъ, чтобы обезпечить человѣку прежде всего это „единое на потребу“, дать ему тотъ „основаніе“, котораго люди не могутъ дать, тотъ краеугольный камень „во главу угла“, безъ котораго невозможны никакіе успѣхи... А затѣмъ — такъ какъ свѣтскія знанія полезны для плодотворности труда, ихъ и надобно сообщать лишь въ тѣхъ размѣрахъ, какіе указываются *практическою* необходимостью. Врачу необходимы медицинскія познанія, инженеру — другія. Крестьянину что необходимо? Если вы не хотите отрывать крестьянина отъ его среды, ему необходимы элементарныя познанія, касающіяся земледѣлія, садоводства, огородничества, ремесленныя и другія, — но только тѣ, которыя приложимы и полезны къ данной мѣстности, къ даннымъ условіямъ земле-

¹⁾ Прессансэ „Христіанская семья.“

дѣльческой и промышленной жизни! Необходимы ему и элементы истории, чтобы сознать себя гражданиномъ, сыномъ своей родины. Все это найдете въ церковной школѣ. „На такихъ же точно началахъ можетъ быть построена и министерская, и земская, и всякая другая школа. И дай Богъ! Церковная школа — не врагъ другимъ школамъ, а лучший другъ, сотрудникъ, чтобы не сказать образецъ. Но нельзя не указать на одно великое ея преимущество, котораго нѣтъ у остальныхъ школъ. Народная школа не даромъ называется *первоначальной*. Замѣйте, — все первоначальное заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ дальнѣйшее разнообразіе. Возьмите семью. Отецъ и мать для ребенка все: и *власть*, и *законъ*, и *наставникъ*, и *кормилецъ*, и *воспитатель*. Все вмѣстѣ. Такъ и первоначальная школа. Она призвана не только учить, но и воспитывать. И такъ, если въ основу первоначальной школы мы должны положить религиозное, истинно-христіанское начало, то изъ чего мы должны исходить, къ чему стремиться? Если вы христіанинъ, и честно вѣрующій, такъ вы скажете, что человекъ рождается съ унаслѣдованными грѣшными наклонностями, „во грѣхъ“, что цѣль воспитанія будетъ состоять не въ развѣтвѣ *всего*, что заложено въ природѣ человека, но въ подавленіи грѣшныхъ наклонностей и въ возвращеніи „новаго человека“, по образу Христа, что немислимо безъ благотнаго вліянія *Церкви*. Какъ вы въ школѣ ни примѣняйте разныя наглядныя пособія, картины, волшебные фонари, — знайте, что въ душѣ дитяти каждое, самое даже главное, представленіе дѣйствуетъ въ гораздо ничтожнѣйшемъ размѣрѣ, не-

жели *тихое* живое отношеніе. Всякое религиозное обученіе, всякое стараніе пробудить религиозное чувство и оживить, укоренить и запечатлѣть въ ру въ Бога будетъ имѣть педагогическое вліяніе лишь настолько, насколько одновременно, вмѣстѣ съ этимъ, пробуждается и оживляется въ душѣ дитяти страхъ и любовь къ Богу. „

Дальше о. Михаилъ приводитъ слова святаго Теофана о значеніи *церковности* въ дѣлѣ воспитанія: „Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса къ божественному есть *церковность*, въ которой неисходно должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость пребыванія среди его, радости тишины и теплоты, отраженіе отъ всего блестящаго и привлекательнаго въ мірской суетѣ, не могутъ лучше и напечатлѣваться въ сердцѣ. Церковь, ея духовное вліяніе, иконы — первые священнѣйшіе предметы по содержанию и силѣ. Нѣтъ нужды, что все это обращается къ иному, невидимому міру. У дѣтей есть предрасположеніе къ тому, и они скоро усвоятъ эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и дѣйствуетъ не языкомъ, а сердцемъ. Оттого они охотно и безъ усталости участвуютъ въ домашнихъ молитвахъ и церковномъ Богослуженіи, и рады этому. Поэтому не должно лишать ихъ этой части образованія, а мало-помалу вводить ихъ въ это святилище нашего существа. Чѣмъ раньше напечатлѣтся страхъ Божій и возбудится молитва, тѣмъ прочнѣе будетъ благочестіе во все послѣдующее время. Въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ духъ этотъ проявляется самъ собою, даже среди видимыхъ препятствій къ его обнаруженію“ 1).

1) Путь ко спасенію. 41—42.

„Вотъ идея церковной школы. Кто-жъ всего лучше можетъ осуществить ее, какъ не пастырь? Пастырь Церкви и долженъ быть въ народной школѣ и главнымъ наставникомъ и главнымъ воспитателемъ... Далѣе: въ настоящее время мы слышимъ уже жалобы на то, что, при наилучшей постановкѣ первоначальной школы, дѣти, по окончаніи курса, да и во время самаго прохожденія его, подвергаются дурному вліянію среды. Значитъ необходимо воздѣйствіе на среду, необходимо надзоръ за дѣтьми и внѣ школы, необходимы лица, которыя бы заботились о благопристойномъ поведеніи дѣтей дома, не допускали бы, чтобы дѣти собирались на гульбищахъ, присутствовали при пьяныхъ сборищахъ, не позволяли бы себѣ при играхъ сквернословія... Гдѣ вы найдете такихъ лицъ? А замѣйте при этомъ, эти лица должны быть вѣдь *одинаково авторитетны* и для дѣтей и для родителей... Кто-жъ, кромѣ священника, чаще всего заглядываетъ въ домъ крестьянина? Священникъ и на исповѣди, и во время посвѣщеній для исправленія требъ, и въ храмѣ можетъ воздѣйствовать на взрослыхъ...

„Разъ народное образованіе ввѣрено нашему духовенству, оно не можетъ уже относиться къ этому дѣлу равнодушно, да теперь и не относится. Собственно говоря, духовенство вѣдь вынесло на своихъ плечахъ такъ быстро выросшую церковную школу. И теперь каждый изъ кандидатовъ священства знаетъ, что ему предстоятъ труды въ первоначальной школѣ. Скажите же: если *каждому* человѣку свойственно хотя разъ въ жизни задуматься надъ вопросомъ о своемъ призваніи, о своемъ долгѣ, ужели молодые люди, готовящіеся къ священству, не ставятъ себѣ этого вопроса? Не

звучить ли надъ ними и въ школѣ, и въ храмѣ, и въ жизни божественное повелѣніе: идите и научите—научите соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ? И разумѣется, первый вопросъ: какъ всего лучше, всего дѣйствительнѣе исполнить эту главную обязанность пастырства? Единственно—при посредствѣ школы! Если трудно воспитывать дѣтей, то еще труднѣе исправлять взрослыхъ, съ укоренившимися дурными навыками. Истинно-христіанское благочестіе можетъ быть привито только въ дѣтствѣ. Юная душа свѣжа, глубоко-восприимчива. Впечатлѣнія дѣтства остаются неизгладимы на всю жизнь, и часто, бессознательно для насъ самихъ, руководятъ нашими поступками. О, духовенство наше, если только оно сознаетъ свое назначеніе, должно вѣчно возносить горячія молитвы за душу незабвеннаго Царя!.. Воистину, вопросъ о народной школѣ для нашего духовенства—это „быть или не быть“, исполнять ли свою миссію или измѣнить своему призванію! Ни одинъ сколько-нибудь честный пастырь, сколько-нибудь дорожающій своимъ достоинствомъ, сколько-нибудь думающій о страшной отвѣтственности своего званія предъ Тѣмъ, Кто поставилъ его пастыремъ въ Своей Церкви, не скажу—не долженъ, нѣтъ, не можетъ равнодушно относиться къ школѣ. И, Боже, какъ радостно бьется мое сердце при вѣстьяхъ, что быстро, быстро возрастаетъ число пастырей, беззавѣтно, съ пламенной любовью отдающихся школѣ! О, я глубоко убѣжденъ въ успѣхѣ и долговѣчности церковной школы! Она исполнитъ свое назначеніе. Пусть, при настоящихъ затрудненіяхъ, при недородахъ, при оскудѣніи, при неурядицѣ въ деревнѣ, правительство и общество заботятся и о

лучшихъ распорядкахъ, и о лучшихъ экономическихъ условіяхъ крестьянскаго быта,—это не дѣло духовенства, но оно, при помощи школы, обновить духъ народный, оно вдохнѣть бодрость и энергію духа, оно духовно воспитаетъ нашъ народъ, а это—главное! Въ этомъ залогъ всякихъ успѣховъ, духовныхъ и матеріальныхъ! Мнѣ остается лишь добавить, чтобы прямые исполнители воли царской, чтобы всѣ, кто имѣетъ власть и вліяніе въ нашемъ народѣ, въ нашей деревнѣ, всѣми силами содѣйствовали духовен-

ству. Этимъ они исполняютъ и своей гражданской долгъ и свое христіанское назначеніе! "Задача и велика. Таковы были взгляды и убѣжденія о. Михаила относительно церковно-приходскихъ школъ. Такъ глубоко вѣрилъ онъ въ ихъ будущность, въ ихъ великое въ жизни народной назначеніе. Теперь подѣлимся съ читателями „Божіей Нивы“ біографическими свѣдѣніями о почившемъ и личными о немъ воспоминаніями. (Продолженіе слѣдуетъ).

СВѢТЛАЯ СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ СТАРОЙ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.

Въ № 1 „Воронежскихъ Еп. Вѣдомостей“ за 1902 г. мы находимъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности одного почтеннаго пастыря, священника о. Андрея Соколова. Авторъ статьи совершенно справедливо говоритъ, что въ наше суетное время „грѣшно скрывать отъ общества представителей высокаго христіанскаго духа, на созерцаніи которыхъ отдыхаетъ человѣческая душа, утомленная погоней за тлѣнными благами.“ О. Андрей—это не „литературный типъ,“ это—личность, взятая изъ живой дѣйствительности а потому и его дѣятельность представляетъ поучительный примѣръ для сельскихъ, да и не сельскихъ только — пастырей, ревнующихъ о своемъ служеніи. Полагаемъ, что наши читатели съ удовольствіемъ прочитаютъ тѣ строки изъ статьи объ о. Андрей, которыя представляютъ собою свѣтлую страничку изъ исторіи старой, никому официально невѣдомой, но тѣмъ не менѣе для народа благотворной церковной школы.

„Послѣ трехлѣтней учительской службы въ Задонскѣ Андрей Соколовъ былъ посвященъ во священники въ сл. Лизинку Острогожскаго уѣзда. На новомъ мѣстѣ молодая чета все свое свободное время посвящала школѣ. Въ Лизинкѣ было большое помѣстье Господь Чертковыхъ. Дѣти дворовыхъ и лѣтомъ не были заняты никакими работами. Поэтому занятія въ школѣ продолжались круглый годъ. Женское отдѣленіе находилось въ вѣдѣніи матушки, а въ мужскомъ занимался самъ о. Андрей. На лѣто мальчики переселялись въ прохладный сарай и занимались тамъ при открытыхъ настежь дверяхъ. На открытіе этихъ школъ „по старинному“ разрѣшенія нигдѣ не спрашивалось и кромѣ мѣстнаго населенія школа никому не была извѣстна. Но Господу не угодно было, чтобы этотъ свѣтильникъ оставался подъ спудомъ. По волѣ Божіей школа не осталась въ своей скромной неизвѣстности. О явленіи ея міру передадимъ простой, но трогательный раз-

сказъ одной очевидицы и неизмѣнной участницы въ учительскихъ трудахъ о. Андрея.

Въ одинъ жаркій лѣтній день, когда время приближалось уже къ вечеру, на большомъ „шляху“¹⁾, проходившемъ мимо дома о. Андрея, показался большой дорожный экипажъ. Поровнявшись съ священническимъ домомъ, онъ остановился. „Человѣкъ“ соскочилъ съ козелъ и вбѣжалъ въ комнату, гдѣ о. Андрей со своею матушкою сидѣли за чайнымъ столомъ. Поклонившись, онъ попросилъ для своего „барина“ стаканъ холодной воды.

— А нельзя ли твоему барину вмѣсто воды предложить стаканъ чаю? спросилъ у него о. Андрей.

— Не только можно, но и должно, за слугу отвѣтила матушка. Иди пригласи!

О. Андрей поспѣшно вышелъ изъ дому и направился къ экипажу. Сидѣвшій въ немъ жандармскій полковникъ изъ Петербурга съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Во время чаю полковникъ замѣтилъ, что черезъ полуотворенную дверь изъ сосѣдней комнаты на него уставилось нѣсколько любопытныхъ глазенкокъ.

— Это чьи у васъ дѣвочки? спросилъ полковникъ.

— Это такъ... это жена учить ихъ рукодѣлію, неохотно отвѣчалъ о. Андрей.

Онъ полагалъ, что всѣ свѣтскіе косо смотрятъ на учительскіе труды духовенства и боялся за свою школу быть въ отвѣтъ.

— Какъ рукодѣлію? переспросилъ полковникъ. Это интересно. Позвольте взглянуть.

Въ сопровожденіи смущенныхъ хозяевъ онъ прошелъ въ сосѣдную комнату. Дѣвочки встали и вѣжливо ему поклонились. Въ это время большинство ихъ было занято вышиваньемъ бисеромъ иконы Божіей Матери и работой на пальцахъ. Предъ

нѣкоторыми лежали книги. Полковникъ все это замѣтилъ. — У васъ должно быть и молитвамъ учать?

— Конечно, и даже поютъ.

Подъ управленіемъ матушки дѣвочки пропѣли нѣсколько священныхъ пѣсноуѣній. Полковникъ пришелъ въ восхищеніе. Похваламъ его не было конца. Дѣвочки ободрились. Полковникъ проэкзаменовалъ ихъ по всѣмъ предметамъ и за хорошіе отвѣты подарилъ нѣсколько денегъ на гостинцы.

Видя сочувственныя отношенія къ женской школѣ, о. Андрей рѣшился сказать:

— У насъ и мужская школа есть.

— Гдѣ?

— Да вотъ въ сараѣ!

— Какъ въ сараѣ?

— Да вотъ видите—помѣщеніе у насъ маленькое. Зиму какъ нибудъ тѣснимся, а на лѣто переходимъ въ сарай. Тамъ у насъ и свѣтло и прохладно. Не угодно ли взглянуть?

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

О. Андрей повелъ полковника къ сараю; среди мальчиковъ онъ пробылъ около часу и далъ имъ денегъ на гостинцы.

При прощаньи полковникъ сказалъ о. Андрею: „отъ Петербурга много я проѣхалъ приходовъ, но нигдѣ не видалъ того, что увидѣлъ у васъ.“

Прошло нѣсколько времени. Преосвященный Іосифъ узналъ отъ полковника о школѣ и чрезъ о. благочиннаго требовалъ о ней справокъ. Слѣдствіемъ благочинническаго донесенія было то, что о. Андрей получилъ набедренникъ. Въ тѣ времена набедренникъ былъ—великое дѣло! О. Андрей порѣшилъ съ своею матушкою благодарить „за милость“ Святителей Митрофана и Тихона и преосвященнаго Іосифа. О предполагаемой поѣздкѣ узнала школа.

— „И мы съ вами!“ стали проситься „дивчата“.

— А не пристанете дорогой? Вѣдь далеко!

¹⁾ Большая дорога.

— „Нѣтъ, мы потихонечку будемъ итти.“

— Ну коли такъ, такъ съ Богомъ! рѣшили учителя.—Отслужимъ молебень и отправляйтесь.

Болѣе крѣпкіе ученики и ученицы стали собираться въ далекій путь за 200—300 верстъ. Подъ предводительствомъ бывалыхъ „черничекъ“ они отправились пѣшкомъ впередъ и прибыли въ Воронежъ почти одновременно съ ѣхавшими на лошадахъ о. Андреемъ и его матушкой.

На представленіи преосвященный Іосифъ спрашивалъ о. Андрея о его школѣ и сотрудничѣ матушкѣ. Узнавъ, что матушка съ частью школы здѣсь, преосвященный выразилъ желаніе познакомиться. О. Андрей попросилъ благословенія проѣхать предъ ракой Святителя Митрофана всей школой молебень съ акаѳистомъ. На другой день въ промежуткѣ между утреней и обѣдней въ соборѣ показался преосвященный Іосифъ, и въ его присутствіи школа отслужила молебень. Прочувствованное пѣніе школьниковъ произвело на преосвященнаго самое пріятное впечатлѣніе.

— А можете ли вы пропѣть обѣдню?

— „Можемъ,“ отвѣчали школьники.

— Ну такъ пропойте же ее завтра въ моей домовой церкви. Я самъ буду служить.

— „Слушаемся, Ваше Преосвященство“, отвѣчалъ о. Андрей.

На другой день Архіерейская домовая церковь представляла необычайно рѣдкое зрѣлище. На глазахъ богомольцевъ на клиросѣ установились ряды дѣвочекъ, одѣтыхъ въ свитки и черныя платки, на сѣвѣзъ промоченные лившимъ въ это утро дождемъ. Среди этой толпы рѣзко выдѣлялась регентша-матушка. Бя мужъ принималъ участіе въ служеніи съ преосвященнымъ. Съ клироса сошелъ маленькій мальчикъ, одѣтый въ синенькую рубашечку, и на приспособленномъ къ его росту аналоѣ раскрылъ часословъ. Скоро по всей церкви, какъ серебряный колокольчикъ, зазвѣ-

нѣлъ его дѣтскій голосокъ. Это маленький семилѣтній Костя, сынъ о. Андрея, читалъ часы. Вся церковь съ умиленіемъ внимала его чтенію. Видно и Господу понравилось Костино чтеніе: въ ту же осень онъ былъ взятъ на небо... Наступила очередь клироса. Просто, но стройно и съ чувствомъ пѣли поды управленіемъ матушки маленькіе паломники.

Послѣ обѣдни преосвященный чрезъ келейника пригласилъ всю школу къ себѣ. Въ архіерейскіе покои школьники пришли раньше преосвященнаго. Поэтому едва онъ показался въ передней, его встрѣтили пѣніемъ: „иже полна эти, деснота!“

— Еще что-нибудь пропойте, попросилъ Архіерей.

Школа пропѣла пѣснопѣніе съ такимъ глубокимъ и искреннимъ чувствомъ, что слезы показались на глазахъ Архіепископа.

— „Еще, еще что-нибудь“...

— Школа пропѣла: „Отъ юности моя мнози борють мя страсти“.

Послѣ пѣнія преосвященный пригласилъ всѣхъ въ слѣдующую комнату. О. Андрей съ матушкой послѣдовали за нимъ. Дѣвочки же остались въ передней.

— А дѣти гдѣ? обернулся преосвященный. Зовите сюда дѣтей.

— Они, ваше преосвященство, всѣ мокрыя и въ грязи.

— Ничего, ничего — послѣ слуги уберуть.

И добрый преосвященный самъ пошелъ въ переднюю и за мокрыя рукава привелъ въ столовую робко жавшихся по угламъ своихъ маленькыхъ гостей. Въ столовой для нихъ было поставлено нѣсколько маленькыхъ столиковъ, каждый съ чайными приборами для двухъ лицъ. Преосвященный самъ угощалъ своихъ гостей печеньемъ. При разставаніи онъ одарилъ школьниковъ книжечками и образочками, а „регентшѣ“ далъ отъ себя въ благословеніе Св. Евангеліе и учебниковъ на всю школьную братію. Полные воспоминаній о доб-

ромъ Архипастырѣ всѣ возвратились въ родныя степи и съ новою ревностью приняли за школьныя занятія. Нѣкоторые изъ „дѣвчихъ“ еще разъ видѣлись съ пресвященнымъ Іосифомъ, когда онъ, потерявъ зрѣніе, находился уже на покоѣ. Онъ принялъ старыхъ знакомыхъ въ своей келіи.

— Ну, теперь уже у меня глазъ нѣтъ, и я васъ не вижу! Смотрите!

И пресвященный Іосифъ приподнял на лобъ свою низко опущенную суфлейку...

— Ну, —

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Поздній сентябрскій вечеръ... Тамъ гдѣ-то на дворѣ слышится скучно-монотонное завываніе осенней непогоды... Разгулявшійся на просторѣ порывистый вѣтеръ и частый дождикъ, словно запоздавшіе путники, докучливо, неотвязчиво стучать въ большія окна просторной школьной спальни, гдѣ беззаботно-мирно спитъ безмятежнымъ сномъ десятка два мальчиковъ на поставленныхъ рядами желѣзныхъ койкахъ. Въ спальнѣ такъ тихо, тепло и уютно... А вздрагивающій поминутно синеватый свѣтъ лампы, озаряющій и эти кровати, и эти беззаботныя, спокойныя дѣтскія личики, какъ-бы дополняютъ мирную картину и вторить спокойному настроенію уснувшихъ отъ дневныхъ трудовъ школьниковъ... Въ школѣ всѣ спятъ... Не спится только почему-то одному мальчику... Онъ чутко прислушивается къ завыванію непогоды, въ головкѣ его роятся какія-то тревожныя думы... Изрѣдка онъ приподнимаетъ съ по-

сти печально смотрѣли на доброго старца, лишившагося зрѣнія...

Любовь къ дѣтямъ, любовь къ Церкви Божей—вотъ что окрыляло тружениковъ старой, такъ сказать—домашней, официально непривзаной церковной школы, и дай Богъ, чтобы заветныя преданія этой школы не умирали и въ новой, возрожденной и благоволеніемъ Царскимъ согражденной преемницѣ!

—

Слезы новичка.

Вздохнувъ голову и иногда изъ груди его раздается сдержанное рыданіе, которое онъ снова старается заглушить, уткнувшись въ подушку... Еще только вчера онъ простился съ своимъ отцомъ и съ своей семьей и поселился здѣсь, въ чужомъ селѣ, въ большомъ зданіи, въ необычной для него обстановкѣ. Но вчерашній день онъ провелъ въ какомъ-то неопредѣленномъ настроеніи духа. Онъ осматривался кругомъ, присматривался къ товарищамъ и знакомился съ ними. Все это отвлекало его мысли отъ родной избы и родной семьи. А сегодня, когда прекратились занятія и прошелъ весь день, закончившійся общей молитвой, онъ уже освоился со всѣмъ, что окружало его теперь, и почувствовалъ себя одинокимъ. Всѣ улеглись спать и заснули. Легъ и онъ, но ему не спится такъ грустно, грустно на сердцѣ. Вспоминалась ему родимая мама его, стлавшая ему въ уголокъ маленькой избенки постель; вспомнились ея

сердечныя ласковыя, матерински-нѣжныя рѣчи, когда онъ укладывался спать. Какъ мила казалась ему теперь ихъ маленькая закопѣлая изба! Какъ хорошо тамъ! Тамъ онъ никогда не чувствовалъ себя одинокимъ, какъ здѣсь. Здѣсь никто изъ старшихъ не видитъ и не ласкаетъ его! И еще грустнѣе стало ему среди этой большой, высокой комнаты, среди множества сверстниковъ, тихо спавшихъ въ своихъ постеляхъ. Тоска сосеть его сердце и онъ тихо плачетъ и всхлипываетъ.

Но вотъ на одной изъ сосѣднихъ коекъ поднимается русая головка товарища и недоумѣвающе смотритъ на плачущаго.

— Ты что плачешь? удивленно спрашиваетъ проснувшійся.

Всхлипыванія замолкли, но вдругъ опять громко вырвались изъ груди плачущаго!

— Али болитъ что? допрашиваетъ проснувшійся.

— Нѣтъ, такъ!—сквозь слезы слышится отвѣтъ.

— Такъ чего же ты?

— Такъ, соскучился...

— Чего скучать?

— Мнѣ домой хочется.

— Погоди, привыкнешь! Домой къ Рождеству поѣдемъ, а теперь надо учиться.

— Да, къ Рождеству! Это вонъ какъ долго!

— Мнѣ тоже скучно. Такъ бы домой и убѣжалъ, да далеко... Тятка съ мамкой хотѣли черезъ мѣсяцъ на Покровъ пріѣхать сюда... Ужь я подожду...

— Тятка-то и мнѣ обѣщалея пріѣхать, да теперь - то скучно какъ! Ты сказалъ—убѣжалъ бы... Давай уйдемъ завтра домой!...

Въ этотъ моментъ въ спальню вошелъ учитель. Онъ слышалъ послѣд-

нія слова мальчика, говорившаго плаксивымъ голосомъ. Видѣлъ онъ также и его собесѣдника—мальчугана. Сильно смутило школьниковъ неожиданное появленіе учителя. Утѣшавшій живо юркнулъ подъ одеяло, а грустившій снова залился слезами.

— О чемъ ты плачешь? ласково и тихо спросилъ учителя Или соскучился по домашнихъ?

— Да... всхлипнулъ мальчикъ и громко зарыдалъ...

— Ну, ну, не плачь, не плачь, — зашепталъ учитель, садясь на постель и кладя руку на голову мальчика.

— Слезами, голубчикъ, не можешь. Вѣдь, это со всѣми бываетъ, всѣ скучаютъ. Ты спроси своихъ товарищей, вѣдь, и они соскучились, а вотъ не плачутъ... Это Смирновъ говорилъ съ тобой? Смирновъ, ты соскучился о домашнихъ? а?

— Соскучился.

— Вотъ видишь, и онъ соскучился, а не плачетъ. Молодецъ!

— Поживете немножко — привыкните, тогда ужъ не будете скучать. Я помню, когда меня отдали въ городъ, такъ я страхъ какъ скучалъ сначала. Тоска, бывало, одолѣетъ страшная, такъ бы бросилъ все и ушелъ бы домой. Только отъ города домой-то было далеко. Да и наказъ матери, чтобы я былъ умницей и учился хорошенько, удерживалъ меня. Вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось мнѣ также, чтобы все, что расходовали на меня, пропало безъ пользы, даромъ. Вотъ я и крѣпился. А тоска-то такъ и мучить, и мучить бывало. Ужь и плакалъ я тогда! Да только разъ лежу также вотъ на постели и плачу. Горько, горько мнѣ... Господи, помоги мнѣ! говорю. Облегчи мнѣ тоску мою! Да всталъ съ постели и началъ молиться Богу. Когда я кончилъ молитву, какъ рукой

сняло съ сердца тоску. Такъ я съ той поры, какъ затоскую, сейчасъ начну молиться и всегда утѣшусь. Вотъ давайте помолимся. Вставайте-ка сюда!

И учитель, и оба не спавшіе ученика встали, возлѣ кроватей насколѣни. Учитель задухновеннымъ голосомъ выразительно читаль: *Царю небесный, Утѣшителю, Душе истинныя*. Ученики, заливаясь благодатными слезами, усердно клали земные поклоны.

Дитя, невинное душою,
Надежды полное святой,
Твоей ли чистою любовью
Мнѣ не проникнуться порой?
Твоей ли дѣтскою молитвой
Мнѣ не дышать, мое дитя,
И тихой кротости небесной
Мнѣль не учиться у тебя?
Дитя, дитя, какъ ты счастливо,
Какъ все въ тебѣ прекрасно мило!
И этотъ образъ свой прекрасный,

Д и т я .

Послѣ молитвы учитель погладилъ дѣтей по русымъ головкамъ и ласково велѣлъ имъ лечь спать, а самъ, перекрестивъ ихъ, пошелъ къ себѣ.

На слѣдующій день оба ученика смотрѣли бодрѣе и веселѣе. Они чувствовали, что они не одни въ школѣ, что около нихъ, тутъ же въ школѣ, въ лицѣ учителя есть у нихъ и отецъ и мать.

Учитель В. Калининъ.

П О С Т Ъ Ы И В С Х О Д Ы .

Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ

Свѣтъ отъ школы—за стѣнами школы.—Дѣти несутъ этотъ свѣтъ опамъ.—Участіе родителей въ школьной молитвѣ.—Семья подражаетъ школѣ.—Дѣти—школьники учатъ младшихъ.—5-лѣтняя молитвенница.—Замѣна мірскихъ пѣсень церковными пѣснолѣтніями.—Отецъ, обращенный дочерью-школьницей на путь добра.—Польза чтеній и собесѣдованій въ школахъ.—Любовь къ духовно-правственному чтенію.—Чтеніе въ семьяхъ по вечерамъ.—Отзывъ студента о церковномъ чтеніи и пѣніи дѣтей-школьниковъ.—Отзывъ латыша о школьной молитвѣ.—Школа и расколъ.—Аганя—ученица изъ раскольниковъ.—Доброе отношеніе раскольниковъ къ церковной школѣ.—Обращеніе дѣтей изъ раскола.—Вліяніе школы на магометанъ и язычниковъ.—Мальчикъ—магометанинъ читаетъ православныя молитвы и сдаетъ экзаменъ по закону Божию.—Ученикъ—язычникъ, исповѣдующій Христа предъ родителями.—Заключеніе.

Не много времени несетъ свой высокопросвѣтительный подвигъ церковная школа. Еще не все посылы ея принялись,

Какъ Божій даръ ты охраняй,
И взоръ свой нѣжный, кроткій,
Ясный
На небо чаще устремляй!
Господь—твой вѣчный Покрови-
тель,
Онъ сохранить всегда тебя...
Небесной правды будь ревнитель,
Мое прекрасное дитя!

Н. Свирцовъ.

нашли добрую почву и дали желанные всходы. И жизнь народа не скоро, можетъ быть, приметъ подъ вліяніемъ школы, вся,

своимъ обликомъ, тогъ видъ, направленіе и характеръ, которыя предносятся мысли, какъ идеальнаго добраго воздѣйствія школы на народную „озимь“. До сихъ поръ о томъ, что основатели и поборники идеи церковной школы не ошибаются въ своихъ надеждахъ на нее, свидѣтельствуютъ пока такъ сказать лишь „пробныя“ и болѣе рѣзко бросающіяся въ глаза явленія и благопріятныя перемены въ народной жизни. Но и этихъ „добрыхъ вѣстниковъ“ лучшаго будущаго совершенно достаточно, чтобы установить фактъ безостановочнаго и незримо-благотворнаго возрожденія народной жизни по началамъ ея національной самобытности и правоспособности, подъ влияніемъ церковности въ народной школѣ.

Въ № 1 нашего журнала мы отмѣтили и оцѣнили нѣкоторые добрые результаты церковной школы, вытекающіе изъ ея дружнаго союзничества въ дѣлѣ воспитанія дѣтскою души съ Церковью. Успѣхъ Церкви и школы въ данномъ случаѣ пошелъ, быть можетъ, дальше прямыхъ ожиданій: мы имѣемъ возможность утверждать, что благодатный свѣтъ Церкви не ограничился только школьными стѣнами, но льется обильною струею за предѣлы ея—въ семью, въ глубь жизни народа, и своею привлекательною красотою все болѣе и болѣе занимаетъ и проникаетъ душу народа. Происходитъ нѣчто пріятно-необычное и нѣкоторое отрадное нарушеніе естественнаго порядка вещей: не отцы и родители учатъ дѣтей и просвѣщаютъ свѣтомъ евангельской истины, а наоборотъ—дѣти по завѣтамъ школы несутъ въ свои темныя семьи добрыя начала жизни, вѣры и благочестія.

Особенно очевидно и характерно сказывается благотворное влияніе школы на мѣстное населеніе чрезъ учащихся привлеченіемъ взрослыхъ къ участию въ молитвахъ утреннихъ и вечернихъ, введенныхъ въ школахъ. По словамъ завѣдующаго Бѣловодской школы (Симб. Еп. отч.

1899/900 г., 156 стр.) не только „дѣти привыкли каждый день начинать и оканчивать молитвою, но и сами родители нерѣдко приходили въ школу помолиться вмѣстѣ со своими дѣтьми, имъ нравится, какъ ихъ малютки предъ иконою лепечутъ слова молитвы по книжкѣ, а особенно привлекаетъ ихъ то, когда ихъ дѣти общимъ хоромъ начнутъ пѣть ту или другую молитву“. Въ высшей степени утѣшительно, что изъ школы мало по малу добрый обычай пользоваться молитвами, установленными Церковію для освященія утра и вечера, переносится и за ея предѣлы, въ семью и, притомъ, чрезъ посредство именно малолѣтнихъ питомцевъ школы. По свидѣтельству завѣдующаго Алферьевской школой (Симб. отч.) истовое и благоговѣнное совершеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ школѣ предъ зажженною лампадою послужило причиною того, что во многихъ семьяхъ, отличающихся набожностію, стали совершать утреннія и вечернія молитвы всѣ члены семьи вмѣстѣ, и тоже при зажженной лампадѣ или восковой свѣчѣ, и гдѣ есть дѣти, обучающіяся въ школахъ тамъ они читаютъ молитвы по молитвослову, а прочіе благоговѣнно молятся. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ ученики церковной школы поютъ съ младшими своими братьями и сестрами молитвы и этимъ путемъ выучиваютъ ихъ молитвамъ. Поучительные и любопытные факты даннаго рода сообщаетъ завѣдующій одной изъ школъ Курской Епархіи (отч. Еп. Наб. 1899/900, стр. 87). „Однажды я, пишетъ онъ, захожу къ одному бѣдному крестьянину. Дѣтишки въ количествѣ 5 человекъ окружили меня и во время „молитвы“ усердно молились Богу. Когда я похвалилъ ихъ за такое усердіе, одна дѣвочка 4—5 лѣтъ, къ удивленію всѣхъ, вдругъ заявляетъ мнѣ своимъ дѣтскимъ лепетомъ, что она знаетъ молитвы — „Богородицу“, „Отче нашъ“ и даже „Царю Небесный“. Я усомнился; но мать подтвердила. Я попросилъ ее про-

читать молитву Св. Духу, и она прочитала ее несильно... по школьному. После мать объяснила мнѣ, продолжаетъ священникъ, что когда старшія дѣти ея (сыны и дочь учатся въ церк. школѣ) приходятъ домой, то въ свободное время учатъ молитвамъ младшихъ ее. „По правдѣ сказать вамъ, батюшка, что и мы съ мужемъ, продолжала крестьянка, благодаря имъ, научились молиться“. — Одна бѣдная женщина, пишеть завѣдующій Средне-Дороженской церк.-пр. школы, того же узда, свящ. К. Сол., въ разговорѣ съ сосѣдками заявила, что свою дочь она опять пошлетъ въ школу учиться, „потому что съ того времени, какъ она стала ходить въ школу, она совсемъ перемѣнилась, стала такая набожная и утромъ и вечеромъ долго-долго молится до куса хлѣба, глотка воды не возьметъ въ ротъ, не перекрестившись“. — Увидѣвъ въ это время (отрадно при этомъ то, и что отпечатки, и начала мы на воспитаніи школами строго-церковнаго характера, и не ограничиваются только временемъ пребывания въ школѣ, и не ослабляются по выходѣ изъ нея). Довольно обычно напримѣръ, что по вечерамъ, вмѣсто распѣванья по улицамъ молодежи прежнихъ разгульных пѣсень, слышатся чаще патріотическія и религіозно-нравственныя пѣснопѣнія и гимны церковной школы. Въ отчетѣ Воронежскаго наблюдателя (за 1898/99 уч. г.) находимъ такой трогательный фактъ: на Святой недѣлѣ, среди улицы, вечеромъ въ слободѣ Тюниной, дѣвочки, изъ обучавшихся въ монастырской школѣ, пѣли, окруженные сосѣдками, „Христъ Воскресе“, „Воскресеніе Христова увидѣвши“ и др. Пасхальныя пѣснопѣнія. Подобное всему сообщаетъ завѣдующій одной изъ школъ (Алферьевской) Симбирской Епархіи (отч. Еп. Наб. 1899/90 г. 156 стр.): онъ называетъ нерѣдкими факты, что по воскреснымъ и праздничнымъ вечерамъ ученики сходятся на улицѣ у какого либо дома и поютъ церковныя пѣснопѣнія и молитвы;

засыпавъ пѣніе, и народъ то сходитъ въ большомъ количествѣ и итисъ умиленіемъ отдается назиданію этого милого развлеченія, а то и участвію въ немъ. Возвращаясь одинъ развѣданнымъ вечеромъ въ породѣ, пишеть въ это Обоянскій (отч. Курск. Еп. Н. 1899/900, стр. 88) я въ удивленіи высказалъ, что видѣть поютъ въ Богородицѣ прилежно пѣніи и притецемъ прѣщій. Интересовались этимъ, я потомъ узналъ, что мальчишки слободы Стрѣлечкой, обучающіеся и прежде учившіеся въ Смоленской, города Обоини, церк. школѣ, въ которой церковное пѣніе поставлено очень хорошо, вынали въ поле атамошадей на ночь и, чтобы не заснуть, начали пѣть... церковныя пѣснопѣнія. — Видѣвъ надъ этимъ выдотъ Добрыенъ навыки, и благовоспитанность и благочестіе дѣтей, сообщаемые школоу, непраимо дѣйствуютъ на воспитаніе тѣхъ же добрыхъ качествъ въ народѣ. Благодаря школѣ, и стоящей на высотѣ своего достоинства, въ короткое время перевоспитывается все окрестное населеніе: крестьяне становятся болѣе внимательны къ своимъ религіознымъ потребностямъ, ии укрѣпляются въ соблюденіи и исполненіи всѣхъ христіанскихъ обязанностей, что сказывается во всемъ ихъ благоповеденіи, а главнымъ образомъ на религіозно-нравственномъ ихъ настроеніи; знаменательные факты подобнаго рода нельзя не отмѣтить въ отчетѣ Моск. Еп. Наблюдателя за 1899—1900-й годъ. — Въ школѣ при церкви Адриана и Наталіи, на Мѣщанской, былъ такой случай: три года тому назадъ учительница обратила вниманіе на одну поступившую дѣвочку, которая поражала своимъ растеряннымъ видомъ и малымъ умственнымъ развитіемъ. Оказалось, что она была забита своимъ отцомъ пьяницей, по профессіи портнымъ. Не разъ въ послѣдствіи эта дѣвочка, когда учительница приняла въ ней живое участіе и вызывала на откровенность, говорила со слезами на глазахъ: „у насъ вчера

была драка, а отецъ побилъ мать и меня полѣномъ“. Учительница жалѣла дѣвочку, успокоивала ее, совѣтовала ласково и кротко относиться къ отцу, такъ какъ онъ больной человекъ, а главное надѣяться на помощь Божію. Понемногу дѣвочка стала развиваться, научилась порядочно читать и даже приобрѣла любовь къ чтенію; сначала брать книги домой и здѣсь иногда читала вслухъ. Отецъ заинтересовался этимъ чтеніемъ, самъ во время работы заставлялъ читать въ слухъ, а для воскресеній и праздникоу даже купилъ полный молитвенникъ, чтобы дочь читала ему псалмы и молитвы. Учительница, между тѣмъ, старалась давать дѣвочкѣ такія книги, которыя могли бы быть благоприятны въ данномъ случаѣ; и дѣйствительно поведеніе отца мало по малу измѣнилось къ лучшему: онъ сдѣлался ласковѣй, сталъ шить рѣже, а въ последнее время совсѣмъ бросилъ. Дѣвочка же шипеть отцу счета, записываетъ заказы, сознаетъ себя полезной и нужной для семьи; родители чувствуютъ это, такъ какъ установилось спокойствіе и получилось матеріальное довольство. Мать дѣвочки не разъ благодарила учительницу и говорила, что она 12 лѣтъ мучилась съ пьяницей мужемъ и только теперь увидѣла свѣтъ.

Свое высокое просвѣтительное вліяніе на мѣстное населеніе церковная школа оказывала не только чрезъ учащихъ, но и путемъ религиозно-нравственныхъ чтеній для народа, распространенія духовно-нравственныхъ книгъ и другими средствами.

Въ д. Ревякино, Верейскаго уѣзда, случилось слѣдующее: въ одномъ крестьянскомъ семействѣ сынъ во что бы то ни стало пожелалъ выдѣлиться, вопреки желанію престарѣлаго 60-лѣтняго отца, и даже рѣшенъ былъ раздѣлъ; но въ этотъ промежутокъ времени сынъ, посѣщавшій религиозно-нравственныя чтенія при мѣстной школѣ, попалъ именно на такое, когда производилось объясненіе пятой заповѣди

Закона Божія; тутъ услышалъ онъ поговорку: „кто родителей не почитаетъ, тотъ навѣки погибаетъ“ и сильно задумался; возвратился онъ домой и рѣшилъ не покидать отца, обѣщавши ему жить въ семьѣ до его смерти. Приходилъ потомъ въ школу старикъ и благодарилъ о. завѣдующаго за такое благотворное вліяніе на сына.

Въ настоящее время во многихъ селеніяхъ у крестьянъ вошло въ обычай, въ свободное отъ работы время, особенно по вечерамъ, собираться въ школу и тамъ слушать рассказы изъ священной исторіи или же чтеніе какой либо статьи религиозно-нравственнаго содержанія, въ чемъ слушатели находятъ для себя полезное и разумное занятіе, и вмѣстѣ отдохнута отъ утомительной работы. Завѣдывающіе школами и учащіе идутъ, конечно, охотно на встрѣчу такому народному стремленію, давшему возможность легко и вѣрно сдѣлать школу источникомъ свѣта и истины для всего народа. Просятъ книгъ и на домъ. Не рѣдко, пишеть Курмышское уѣздное отдѣленіе, видѣтъ старичка или старушку, обращающихся къ священнику съ просьбой дать имъ какую либо душевспасительную книгу. „Да вѣдь вы неграмотные“, спрашиваетъ священникъ обращающихся къ нему съ такой просьбой. „А у насъ есть сынокъ (или внучекъ), учащійся въ вашей школѣ; онъ намъ почитаетъ, а мы послушаемъ“. Особенно замѣтно благотѣльное значеніе школы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе заражено сектантствомъ и расколумъ. Такъ, по сообщенію завѣдующаго Кохановскою школою, Ананьевскаго уѣзда, (Херсонскаго губ.) священ. Федорова, „штундисты нѣсколько разъ заявляли ему, что если бы прежде было такое хорошее пѣніе и чтеніе учащихъся въ церкви, то имъ никогда бы не вздумалось обращаться въ штунду; въ свои рѣдкія посѣщенія церкви они выносятъ очень хорошее впечатлѣніе, видя, что дѣти

прекрасно поютъ и участвуютъ въ клиросномъ чтеніи“. „Не менѣе любопытенъ фактъ сильнаго впечатлѣнія ученической молитвы на иновѣрцевъ; разсказываемый Симбирскимъ Епарх. Наблюд. (отчетъ за 1898/99 г.): „нѣкій латышь протестантъ зашелъ въ школу во время утренней молитвы, и простоялъ и невнимательно выслушалъ её всю, и когда дѣти, по окончаніи ея, со всѣми поздоровались и сѣли на свои мѣста, сказалъ священнику: „хорошо у васъ, батюшка, молятся въ школѣ: такой молитвы я нигдѣ не видалъ“. Столь же характерны факты благотворнаго вліянія школы на инородцевъ, какъ сообщаетъ о чувашахъ Симб. Еп. Набл. (отчеты за 1898/99 и 1899/900 г.).

Сообщенія о вліяніи церковныхъ школъ на раскольниковъ полны захватывающихъ душу подробностей и фактовъ. Дѣти самыхъ ярыхъ раскольниковъ, благодаря посѣщенію школы, смягчаются, отстаютъ отъ суетумудрія своихъ отцевъ и дѣлаются добрыми ребятами. Православной Церкви, иногда увлекаая за собою и своихъ родныхъ, а нерѣдко вынося за собой рубленія чисто мученическую борьбу съ ними.

Таковъ трогательный разсказъ Симбирскаго Еп. наблюдателя (отчетъ 1898 г.) объ одномъ раскольникѣмъ семействѣ: „въ деревнѣ Комаровкѣ“, пишетъ о. діаконъ Покровскій, — „есть раскольникѣ семейство, состоящее изъ слѣдующихъ членовъ: Андрей Ѳеодоровъ Посновъ, около 70-ти лѣтъ, жена его Надежда 65 л., дочери ихъ Екатерина и зять (мужъ Екатерины) Степанъ, у коихъ дочь единственная — Агафія; всѣ они поморской секты. Дѣвочка Агафія въ январѣ 1897 года съ согласія бабки Надежды и отца и матери, но тайно отъ дѣда Андрея Ѳеодорова, стала посѣщать школу. Нѣсколько мѣсяцевъ это было тайной для дѣда, но когда онъ узналъ, то домашніе убѣдили его, что Агафія ходитъ въ школу лишь обучиться чтенію да рукодѣлю. На самомъ же дѣлѣ эта дѣвочка,

лучшая ученица школы по успѣхамъ и поведенію, изучаетъ и всѣ предметы школы, а по Закону Божію проявляетъ успѣхи болѣе всѣхъ. Часто, когда на урокъ дѣло случайно касается несчастныхъ сыновъ раскола, дѣвочка духовно-обѣдная, разумная по природѣ и впечатлительная, едва сдерживаетъ слезы. Однажды, когда урокъ шелъ объ исповѣди и св. Причастіи, и необходимости этихъ благодатныхъ таинствъ для каждаго челоука, и при чемъ слова учителя подкрѣплялись словами Господа по Евангелисту Іоанну, обѣдная дѣвочка не выдержала душевнаго волненія: сказавшись больной, она легла на печь и тамъ дала волю своимъ слезамъ. Случалось, что подружки заговаривали съ ней: „ты бы, Агая, побывала у насъ въ церкви и послушала нашу службу“, — „Ужь не надрывайте вы мое сердце“, — отвѣтитъ имъ и замолчитъ. Мать этой дѣвочки Ѳекатерина Андреева въ послѣднее время стала изрѣдка посѣщать школу подъ разными предлогами и непременно нарвится придти къ молитвѣ. Что это побуждало ее посѣщать школу, Богъ знаетъ, но однажды на молитвѣ я случайно подмѣтилъ ее тихо плачущей. Наши глаза случайно встрѣтились и ей стало неловко, „Что-то глаза болятъ“, сказала она мнѣ послѣ молитвы, нѣсколько смутившись. До четырехъ разъ я приглашаемъ быть въ ихъ домѣ попить чайку. Разговоръ за чаемъ касался болѣе обыденныхъ предметовъ и лишь когда являлся дѣдъ Андрей, то принималъ религиозный характеръ, и интересъ моего вращался исключительно на библейскихъ разсказахъ. При этомъ замѣтно было со стороны дѣда желаніе по испытать меня въ знаніи и пониманіи библейскихъ разсказовъ“. Въ отзовѣ на Повѣтъ завѣдующаго Болтаевской церковно-приходской школой, Алатырскаго уѣзда, придерживающіеся раскола не только не возбраняютъ, но съ охотой отдають дѣтей въ церковную школу — въ надеждѣ, что свѣтъ ученія приведетъ ихъ къ по-

знанию истины: погруженные въ мракъ невѣжества и заблуждений они видятъ въ церковной школѣ якорь спасенія, если не для самихъ себя, то для своихъ дѣтей. Такое отношеніе раскольническаго населенія къ церковной школѣ находятъ себѣ подтвержденіе и въ сообщеніи Сызранскаго отдѣленія, которое между прочимъ приводитъ въ своемъ отчетѣ такой фактъ: «въ селѣ Головинѣ мѣстный расколуучитель, взявшій своего сына изъ земской школы, въ тоже время отдалъ дочь свою въ школу церковно-приходскую (существующую при единоверческой церкви) и съ предупредительностію относится къ учителѣницѣ». Уфимскій Еп. Наблюдатель сообщаетъ, что ученица раскольница Благовѣщенской женской церковно-приходской школы, Уфимскаго уѣзда, Рыбникова, приняла въ православіе, съ согласія родителей. Она посѣщала службы церковныя вмѣстѣ съ ученицами, а во время говѣнія великимъ постомъ мажже ходила въ храмъ и неопустительно и желала исповѣдаться и причаститься. Но безъ согласія родителей ея присоединить къ Православной Церкви было не возможно, поэтому дочь со слезами стала просить родителей дозволить ей присоединиться къ Церкви Православной, причемъ сначала они ни слышать не хотѣли. Но постоянныя просьбы и слезы дочери сломили упорство родителей раскольниковъ и они дали согласіе на присоединеніе ея къ православной Церкви.

Весьма поучительны факты благотворнаго вліянія школы на магометанъ и язычниковъ.

Въ Савалеевскую миссіонерскую школу, Мензелинскаго уѣзда, поступилъ мальчикъ магометанинъ для обученія только русской грамотѣ. Въ первую же зиму школа увлекла этого мальчика, и онъ скоро сталъ изучать всѣ предметы школьнаго курса, а Законъ Божій, по словамъ мѣстнаго священника, съ особенною любовью. На вторую зиму мальчикъ сталъ часто украдкой

отъ родителей ходить вмѣстѣ съ товарищами—учениками въ храмъ Божій и исполнять дежурство по чтенію молитвъ, не смотря на строгія запрещенія и угрозы со стороны родителей хивѣфанитиковъ. Магометаньѣри между прочимъ прекрасно выдержалъ экзамень на льготу 4-го разряда. Правильнымъ и сознательнымъ чтеніемъ молитвъ, разумными отвѣтами изъ катихизиса, Богослуженія и Св. Исторіи этотъ мальчикъ магометанинъ положительно удивлялъ всѣхъ присутствующихъ на экзаменѣхъ (на экзаменѣ былъ Епархіальный Наблюдатель).

Подобный же фактъ былъ въ Можаровской школѣ Мензелинскаго уѣзда.

Въ другихъ школахъ гдѣ вмѣстѣ съ православными (иородцами) изучають обучаются дѣти изучають язычниковъ, послѣдніе, наравнѣ съ православными, охотно изучають Законъ Божій, совершаютъ утреннія молитвы, и бывають иногда въ мѣстномъ храмѣ, молятся во время крестныхъ ходовъ. Какъ просвѣтительно дѣйствуетъ на нихъ школа, это видно изъ того, что многіе изъ нихъ уже не принимаютъ участія въ языческихъ обрядахъ и моленіяхъ.

Въ Клементейкинской школѣ, по свидѣтельству мѣстнаго священника, былъ случай, что ученикъ—язычникъ былъ взятъ силой изъ школы родителями за то, что открыто говорилъ въ семьѣ о превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ и о пустотѣ послѣдняго.

Мы не имѣемъ возможности перечислить всѣ факты благотворнаго воздѣйствія церковности школы на народную жизнь; у насъ нѣтъ подъ руками и десятой доли епархіальныхъ отчетовъ по школамъ, да и въ эти отчеты большая часть фактовъ конечно вовсе не попала. Давно извѣстно, что русскіе православные люди не любятъ хвалиться успѣхами добра, какое дѣлають, слѣдуя заповѣди Спасителя: *«аще и вся повелѣнная вамъ сотворите, глаголите,*

яко раби неключими есмы: еже должны бѣхомъ сотворити—сотворихомъ. Они творять и молчатъ. Но ради славы Божіей, ради пользы самого дѣла, коему мы служимъ, нельзя не пожелать, чтобы побольше оглашалось такихъ фактовъ. Оглашеніе ихъ свидѣтельствуетъ о высотѣ и святости того подвига, какой берутъ на себя тру-

женики школы, ведущіе это дѣло въ духѣ завѣтовъ родной Церкви. И мы надѣемся еще не мало собрать подобныхъ свѣтлыхъ фактовъ изъ жизни нашихъ церковныхъ школъ,—фактовъ, о коихъ имѣемъ и непосредственныя сообщенія отъ лицъ, служащихъ сему святому дѣлу.

Страничка для дѣтей.

Маленькій исповѣдникъ Христа ¹⁾.

а берегу прекраснаго морскаго залива расположенъ величественный городъ Константинополь. Этотъ городъ названъ такъ по имени своего основателя—благочестиваго царя св. Константина—перваго хрістіанскаго императора, который вмѣстѣ съ своею матерью, благочестивою царицею св. Еленою много заботился объ украшеніи городовъ святыми храмами. Когда-то и въ Константинопольъ высились много православно-хрістіанскихъ храмовъ. Это была славная столица православной греческой Имперіи. Но вотъ уже болѣе 500 лѣтъ этимъ городомъ владѣютъ турки—народъ нехрістіанскій.

Турки всегда враждовали съ хрістіанами и при каждомъ удобномъ случаѣ старались смѣяться надъ вѣрою въ Иисуса Христа. Чтобы отвратить грековъ отъ вѣры въ Господа турки иногда даже

мучили хрістіанъ. Однимъ изъ числа мучениковъ былъ мальчикъ, по имени Коля.

Событіе, о которомъ мы хотимъ рассказать, относится къ 1672 году. Оно случилось въ Константинополь.

Мальчикъ Коля съ ранняго дѣтства отличался необыкновенною кротостью, рѣдкою добротою своего дѣтскаго сердца, умомъ и красотою. Когда Коля подросъ, то отецъ Коли отдалъ его въ школу, гдѣ учителемъ былъ турокъ. И вотъ Коля началъ учиться грамотѣ въ турецкой школѣ, потому что греческой-хрістіанской школы не было вблизи дома Колинаго отца.

Учитель турецкой школы скоро замѣтилъ особенныя способности своего новаго ученика. И Коля такъ понравился своему учителю—турку, что онъ захотѣлъ его обратить въ свою вѣру. Онъ сталъ хулить Колѣ его хрістіанскую

¹⁾ Изъ исторіи состоянія грековъ подъ властію турокъ.

вѣру. Но мальчикъ такъ былъ преданъ своей вѣрѣ и такъ горячо любилъ Господа и святыхъ Его, что ни за что не хотѣлъ сдѣлаться туркомъ. Напрасно турецкій учитель обѣщаль Колѣ богатство. Имѣя въ сердцѣ пламенную вѣру, Коля не хотѣлъ никакого другого богатства...

Тогда турокъ употребилъ хитрость. Однажды онъ заставилъ добраго мальчика написать въ видѣ урока турецкое исповѣданіе вѣры, называемое магометанскимъ. Мальчикъ написалъ. Послѣ этого турокъ велѣлъ прочесть его. Коля повиновался и этому. Когда добрый ученикъ, въ простотѣ сердца читавшій нехрiстіанское исповѣданіе вѣры, кончилъ чтеніе, турокъ-учитель и бывшіе другіе въ школѣ турки стали говорить Колѣ, что онъ теперь уже сдѣлался туркомъ... Коля увѣрялъ ихъ, что онъ любить Господа Іисуса Христа, что онъ ни за что не сдѣлается туркомъ... Но турки не переставали твердить мальчику, что онъ уже сдѣлался туркомъ. А у турокъ дѣйствительно былъ такой обычай, что всякаго, кто прочесть исповѣданіе ихъ вѣры, должно уже считать туркомъ. Поэтому-то турки и твердили Колѣ, что онъ теперь, послѣ чтенія ихъ исповѣданія, уже болѣе не хрiстіанинъ.

Какъ ни убѣждалъ Коля своего учителя—не считать его туркомъ, учитель всё-таки не хотѣлъ разстаться съ мальчикомъ. Онъ взялъ Колю изъ школы и представилъ

его судья — тоже турку, чтобы этотъ силою заставилъ Колю отказать отъ Христа.

И судья сталъ говорить Колѣ, что онъ теперь уже долженъ считаться туркомъ и отказать отъ Христа. Но мальчикъ оставался твердъ и теперь, предъ судьей, въ своей хрiстіанской вѣрѣ. Тогда видя непоколебимость Коли, судья приказалъ посадить его въ тюрьму. Здѣсь его опять уговаривали отказать отъ Христа—сначала ласками, а потомъ угрозами и мученьемъ. Но ничто, ни ласки, ни обѣщаніе почестей, ни богатство, ни слава не обольстили сердце добраго мальчика. Всякій разъ, въ отвѣтъ на угрозу и ласку, Коля говорилъ только то, что подсказывало ему сердце. А сердце его пламенѣло одною только чистою, святою любовью къ Богу...

Потерявъ всякую надежду на отреченіе Коли отъ Христа, турецкій судья приговорилъ Колю къ смертной казни чрезъ усѣченіе мечемъ. И Коля дѣйствительно былъ замученъ. Послѣ долгихъ пытокъ ему отрубили голову. А Коля, еще разъ предъ смертью исповѣдавъ Христа, умеръ добрымъ, горячо любящимъ своего Господа, хрiстіаниномъ.

Многихъ тогда заставила задуматься твердость дѣтской вѣры въ Господа. А имя Коли навсегда осталось памятнымъ, какъ имя мальчика, у котораго нужно учиться терпѣнію при страданіяхъ за Христа.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Январь 1902.

Когда вѣришь въ святость и жизненность того дѣла, которое любишь и которому хочешь послужить, то душа проситъ, чтобъ и другіе раздѣляли съ тобою эту вѣру, это желаніе послужить святому дѣлу. И какъ отрадно, когда встрѣчаешь слово сочувствія прежде, чѣмъ ты успѣлъ на дѣлѣ показать, что и какъ можешь быть сдѣлано тобою! Уже одно это укрѣпляетъ въ тебѣ вѣру, что то, чему ты хочешь послужить, есть дѣло святое, что потребность, которой желаешь удовлетворить, уже назрѣла... Поэтому надѣмся, что наши добрые читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы иногда позволимъ себѣ въ нашихъ „Дневникахъ“ отмѣчать то, что иному кажется мелочью, незаслуживающею особеннаго вниманія: вѣдь изъ мелочей слагается иногда и вся жизнь зауряднаго труженика, каковъ учитель школы, мелочи придають общую окраску всей дѣятельности его. А между тѣмъ въ этихъ-то мелочахъ и видна бываетъ живая душа иногда гораздо болѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ.

На нашъ призывъ къ объединенію въ дружной работѣ на всѣмъ намъ дорогой Божіей нивѣ послышались отклики и отъ самихъ тружениковъ этой нивы и — не скроемъ: намъ было особенно пріятно, что *первый* откликъ мы получили еще въ іюль, съ кievскихъ курсовъ для учителей второкласныхъ школъ, тотчасъ по полученіи тамъ нашего приглашенія. Одинъ изъ слушателей этихъ курсовъ, учитель второкласной школы изъ Пензенской епархіи, прислалъ намъ „крохотный“, какъ онъ выразился въ письмѣ, изъ своего дневника разсказецъ, которымъ мы и открываемъ въ этомъ № отдѣлъ: „Изъ учительскихъ дневниковъ“. Получивъ рукопись, мы написали автору по мѣсту его жительства, прося продолжать свои замѣтки, но отвѣта долго не было. Полагая, что авторъ перемѣнилъ мѣсто жительства, мы навели о немъ справки чрезъ одного священника, и вотъ что получили мы въ отвѣтъ отъ нашего сотрудника-учителя:

Гдѣ я?

Здѣсь, въ лѣсахъ непроглядныхъ, въ селѣ занесенномъ сугробами снѣга,

Я имѣю пріютъ на землѣ
Ради корки насущнаго хлѣба.
Безотвѣтная глушь окружаетъ меня,
Ходятъ звѣри по тропкамъ лѣснымъ,
Жмутся птицы по гнѣздамъ своимъ,
Неподвижны заснули лѣса.
Села рѣдки въ моей сторонѣ...
Не кипитъ въ нихъ горячая жизнь,
Неподвижно покоится мысль
Здѣсь въ побѣдной людской головѣ...
Загорится-ль когда, я не знаю,
Свѣтъ отрады для этого края?
Эхъ, родная моя сторона,
Какъ мнѣ жалко, какъ жалко тебя!..
Все покоится... Также и я
Засыпаю для жизни духовной,
И на зовъ къ этой жизни любовный
Отвѣчать тяжело для меня...

Можетъ быть иной читатель скажетъ: что же особеннаго въ этихъ стихахъ? стоило ли печатать ихъ? Но будьте снисходительны, добрый читатель: задача нашего изданія въ томъ и состоитъ, между прочимъ, чтобъ ободрить тружениковъ школы, дать имъ отдохнуть душой внѣ сферы своихъ официальныхъ обязанностей, и почему же не дать мѣста этимъ стихамъ, видно вырвавшимся изъ сердца скромнаго учителя подъ впечатлѣніемъ нашей о немъ справки?... И хочется вѣрить, что авторъ этихъ стиховъ не заснетъ въ своемъ медвѣжьемъ уголкѣ, ибо въ его душѣ горитъ огонекъ любви къ этому родному для него краю.

Другой учитель, изъ крестьянъ, прислалъ намъ свой дневникъ, написанный очень живо и проникнутый такимъ благодушіемъ къ своему, далеко незавидному въ матеріальномъ отношеніи положенію, что имъ невольно заражается и читатель. А главное—это необычайная скромность и деликатность: онъ дѣлаетъ въ концѣ такую приписку: „Если дневникъ сей окажется не пригоднымъ для печати, то редакція „Божіей Нивы“ можетъ его уничтожить, такъ какъ на обратную его ко мнѣ пересылку я, по неимѣнію средствъ, денегъ не прилагаю“. А все таки на отвѣтъ приложена марка. Надобно сказать, что только тотъ, кто знакомъ съ дѣломъ ре-

дактированія какого бы ни было журнала, пойметъ подобную деликатность...

Теплое сочувствіе нашему начинанію было высказано и въ печати. Едва появилась въ объявленіяхъ наша программа, какъ „Московскія Вѣдомости“,—эта одна изъ немногихъ въ наше время газетъ, которыя не стыдятся исповѣдывать Христа поправославному, — привѣтствовали наше начинаніе горячимъ словомъ сочувствія и благожеланія. Не лишнимъ считаемъ поѣлится съ нашими читателями и тѣмъ „откликомъ изъ деревни“, который напечатанъ въ одномъ изъ органовъ мѣстнаго духовенства—„*Полтавскихъ Еп. Вѣдомостей*“. Вотъ что между прочимъ пишетъ тамъ священникъ, о. Николай Комарецкій:

„Нельзя скрыть того искренняго восторга, съ которымъ каждый изъ насъ узналъ о давно желанномъ начинѣ. Богъ въ помощь, а добрымъ людямъ спасибо! Давно сердца наши ждуть такого изданія, которое было бы общедоступно для всего обширнаго круга нашихъ товарищей—въ томъ смыслѣ, чтобы оно съ должнымъ вниманіемъ прислушивалось даже къ голосу деревенскихъ сѣятелей. Вѣдь, и мы люди, и мы отдали свою жизнь на служеніе дѣлу Христову, и трудимся, какъ позволяютъ силы и разуміе. Но то бѣда, что въ нашемъ распоряженіи или совсѣмъ нѣтъ средствъ служащихъ къ развитію Богомъ намъ данаго таланта, или—благодаря деревенскимъ условіямъ—очень ужъ скудны они. Поэтому мы, пока еще питаемся пріятной надеждой, жаждемъ знанія, ищемъ источниковъ его; но,—не обрѣтая удовлетворенія, поддерживающей руки,—начинаемъ привывать къ формѣ, (рапортамъ), а живой, дѣятельный, разумный духъ свой угашаемъ. Но вотъ рождается „Божія Нива“, которая весь свой взоръ обращаетъ на насъ и кротко зоветъ къ себѣ на общую вечерю, признавая за каждымъ изъ насъ законное желаніе „отдохнуть душой, перенестись“ хоть на мгновеніе „въ свѣтлую область своего идеала“. Да, это дѣйствительно „не праздная мечта“: нѣтъ! это могучее средство, которое вполне способно у одного „поддержать святой огонекъ“, а у другого снова раздуть хоть незначительныя еще блещущія „искорки этого огонька“, чтобы они совсѣмъ не погасли.

„Какое же самое доступное для насъ

средство взаимной нравственной поддержки другъ друга?

„На помощь—безусловно—является дневникъ. Въ этомъ каждого изъ насъ краснорѣчиво убѣждаетъ ежедневный опытъ. Нѣсколько разъ приходится начинать его, и каждый разъ заставляетъ это дѣлать какое-то мучительное чувство, имѣющее силу нравственной необходимости. Оно рождается въ сѣренькіе—туманные дни жизни и особенно назойливо заявляетъ о себѣ въ тѣ грустные часы душевнаго разлада, когда сердце томится мучительной тоской, а грѣшный умъ беспокоится цѣлымъ роємъ невеселыхъ думъ. Быть можетъ, при другомъ званіи, иномъ общественномъ положеніи, христіанину легко обходятся такіе минуты?

Не знаемъ. Но для священника, по природѣ человѣка одареннаго средними силами, нравственная борьба весьма ощутительна. Не забывайте при этомъ,—что подобное мрачное состояніе духа—нерѣдкость: „не возможно, чтобы душа священника оставалась безъ скорби“, говоритъ Златоустъ. Она вызывается тѣми обильными згорченіями, которыми такъ щедро усѣяны въ наше время тернистый путь пастырства. Иной разъ хоть имѣешь возможность анализировать свои мысли, сосредоточиться на болѣе крупномъ, все взвѣсить и прийти къ какому—нибудь заключенію. Но не всегда такъ удается... Тогда чувствуется особенно тяжело. Да и кромѣ того, вѣдь, надо сознательно разрѣшить собственную загадку тому, кто проповѣдуетъ „*внимать себѣ*“ другимъ. По неволѣ приходится бесѣдовать съ внутреннимъ человѣкомъ. И тогда дневникъ уже положительно необходимъ. При помощи его вдумаясь, размотришь себя, выльешь всю свою грѣшную, убогую душу, похвалишься горькими невзгодами, своей нищетой душевной... И, быть можетъ, только тогда—то „вспомнишь Ты мнѣ, забытый мною,

„Просияешь сквозь сумракъ думъ,

„И соизидется Тобою

„Сердце чисто, свѣтелъ умъ!“

какъ говоритъ святитель-поэтъ.

„Такимъ образомъ, дневникъ уже необходимъ, какъ средство самоулучшенія и освѣженія нашей дѣятельности. А какой былъ бы это богатый и интересный матеріалъ для всякаго молодого труженика, который также никогда не застрахованъ

отъ грозныхъ испытаній, требующихъ самообладанія, жизненнаго опыта. Сообщение своего дневника и есть средство взаимопомощи: доброе — братское, соучастливое слово, обменъ мыслей, на встрѣчу которымъ спѣшить „Божія Нива“. Великую пользу принесетъ дѣлу Христову св. обитель препод. Сергія, такъ братски призывающая къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ.

„Тогда явится возможность каждый случай изучить всесторонне; или, по крайней мѣрѣ, быть предупрежденнымъ о существованіи извѣстнаго факта...“

„Заурядное напр. явленіе, что въ двухъ, рядомъ расположенныхъ, деревняхъ батюшки совершенно различно относятся къ одному и тому же случаю жизни. Это уже называется разницей; а кто живетъ врозь, тотъ (по старой сказкѣ) не бываетъ силенъ. Вотъ напримѣръ: внѣбогослужебныя бесѣды, школьныя чтенія со взрослыми, библиотеки,— все это у каждаго идетъ по своему, на различный ладъ.“

„Правда, всякая работа болѣе жива, когда она бываетъ свободна отъ обычныхъ шаблонныхъ приѣмовъ; но не слѣдуетъ забывать при этомъ и деревенской пасты, которая склонна придавать слишкомъ большое значеніе внѣшней сторонѣ. И это опять таки учить, что не удобно намъ укрываться другъ отъ друга, когда всѣ за нами смотрять, а ангель сатанинъ особенно тщательно бодрствуетъ, чтобы намъ пакости дѣять (2 Кор. 12, 7). Требуется живое знаніе... Дѣло у насъ общее: ошибка одного отражается на состояніи всего стада

Христова. По этому, никто не въ правѣ отказываться, всѣ должны быть активными участниками взаимобщенія. Не можетъ въ столь важномъ дѣлѣ затруднять и техническая сторона изложенія мыслей: тѣмъ проще, тѣмъ лучше; лишь было бы говорено отъ души, искренно. Нѣтъ нужды, что подлежащее будетъ стоять не на мѣстѣ; лишь бы каждый высказывалъ свои ошибки, допущенныя имъ по первизнѣ или многосложности непредвидѣннаго случая, и этимъ оградишь бы другихъ отъ таковыхъ, указавъ добытый опытомъ исходъ. И если-бы кому удалось хотя въ маломъ освѣтить путь своему собрату, то этимъ онъ подкрѣпилъ бы его въ томъ, въ чемъ нѣкогда самъ унывалъ.“

„А тамъ... съ Божьей помощью мы совершенно пролили бы въ жизнь другъ—друга отраднѣйшій лучъ свѣта. Тогда сама собой разсѣется тьма мысли, погибнуть обуревающія насъ сомнѣнья, и при всѣхъ невзгодахъ и нападкахъ на насъ врага Церкви, мы будемъ „полны мира, покоя, надежды святой“. Тогда цѣль дневника достигнута: онъ явится товарищемъ при невзгодахъ и мудрымъ совѣтникомъ при недоумѣніяхъ. Его неуклюжія, но искреннія слова стануть для насъ болѣе дороги и милы, нежели бойкія рѣчи лживыхъ людей!..“

Не можемъ не порадоваться, что наше начинаніе встрѣчаютъ такъ радушно тѣ, къ кому мы обращаемъ свое слово, что они понимаютъ насъ и—Богъ дастъ—помогутъ намъ въ нашемъ трудномъ дѣлѣ на пользу родной Церкви и малыхъ сихъ...

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

„БУДЬТЕ,
ДѢТИ, ОСТОРОЖНЫ!“

Листки для раздачи дѣтямъ въ школѣ и семьѣ. Цѣна за 100 листковъ 50 коп. съ пересылкою. За одну 7-ми копѣечную марку высылается 10 листковъ, за двѣ—20 и т. д.

Складъ изданія: Москва, Никитскія вор., Мерзляковскій пер., д. № 17 Н. П. Балашиову.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЕТСЯ КНИЖКА:

СТРАДАНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Д. И. Введенскаго.

Цѣна 35 коп., съ перес. 50.

Можно получать и въ редакціи „Троицкихъ. Листковъ“.

Въ 1902 году (ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

будетъ издаваться по прежней программѣ и съ особымъ отдѣломъ работъ и сообщеній
НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Обязательный объемъ остается прежній: не менѣе 25 листовъ въ годъ (въ предыдущіе годы давалось 40—50 листовъ). Лѣтнія книжки выходятъ по двѣ вмѣстѣ (№№ 6—7 и №№ 8—9).

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. Бунаковъ, А. Бороздинъ, Волкова, Демковъ, М. Ивановъ, Кричагинъ, Н. К. Кульманъ, пр.-доц. А. П. Нечаевъ, Латышевъ, Орелкинъ, Ф. Ольденбургъ, Пр. Петровъ Поліевтовъ, Попова, Пъшехонова, Пузыревскій, врачъ Уверскій, Фармаковский, и др. Въ журналѣ помѣщаются многія работы и письма народныхъ учителей, разборы новыхъ книгъ и различныя сообщенія о ходѣ учебнаго дѣла. Ежегодный конкурсъ на составленіе чтеній для народа. Печатаются нѣкоторыя лекціи, читаемыя во дворцѣ Великаго Князя Константина Константиновича въ г. Павловскѣ для народныхъ учителей и учительницъ.

Подписка принимается въ редакціи (Спб., Звенигородская ул., д. 8, кв. директора народныхъ училищъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ

3 р. съ пересылкой.

Есть экземпляры за прежніе годы, кромѣ 1883, 1885, 1891 и 1895 гг. Журналъ **ОДОБРЕНЪ** Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для народныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

Почетный дипломъ на выставкѣ Общества поощренія трудолюбія въ Москвѣ.
Дипломъ 1-й степени на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. На сельско-хоз. выставкѣ въ Москвѣ по отдѣлу Московскаго Комит. Грамотности дипломъ на серебрянную медаль.

Редакторъ-издатель **В. Латышевъ.**

Къ 21 февраля 1902 г. будетъ изданъ сборникъ избранныхъ произведеній Н. В. Гоголя подъ редакціей Н. Ф. Бунакова. Цѣна для школъ 35 к., при выпискѣ не менѣе 100 экз. пересылка до станціи жел. дор. бесплатная. Въ отдѣльной продажѣ 50 к. въ переплетѣ 50 к. для школъ и 60 к. въ отдѣльной продажѣ.

Продаются: Сборникъ произведеній Лермонтова 15 к., (подъ редакціей Н. Ф. Бунакова), сборникъ произведеній Кольцова 10 к., Сборникъ произведеній А. С. Пушкина 30 к.

Годъ VI Вѣдомство учреждений Императрицы Маріи 1902.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся до благотворительности и общественнаго призрѣнія.

Органъ Вѣдомства дѣтскихъ приютовъ

Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, подъ редакціей действ. статс. сов. Евгенія Севастьяновича Шумигорскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками объемомъ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ.—Подписная цѣна за годовое изданіе, съ доставкою и пересылкою, три рубля.—Доходъ отъ изданія, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обращается въ пользу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.—Подписка принимается въ редакціи (С.-Петербургъ, Казанская ул., 7). Статьи для напечатанія и всѣ запросы, касающіеся журнала, должны быть адресуемы исключительно въ редакцію.—Редакція для личныхъ объясненій открыта, исключая воскресные и праздничные дни, ежедневно отъ 2 до 3 час. пополудни.—Отдѣльные №№ продаются по 30 коп.—Лица желающіе получить „Вѣстникъ Благотворительности“ за 1897, 1898 и 1899 гг., могутъ присылать свои требованія въ редакцію съ приложеніемъ трехъ рублей. Число экземпляровъ за 1897 г., оставшіеся въ редакціи, крайне ограничено.—Объявленія принимаются за строчку или занимаемое ею мѣсто, по 15 коп.

ПРОГРАММА.

I. Официальный отдѣлъ. Распоряженія Правительства. **II. Специальный отдѣлъ,** посвященъ дѣятельности Вѣдомства дѣтскихъ приютовъ и другихъ благотворительныхъ учреждений **III. Литературный отдѣлъ.** Разработка всѣхъ вопросовъ благотворительности и общественнаго призрѣнія, очерки русскихъ и заграничныхъ учреждений, литература, журналистика и хроника русской и иностранной благотворительности. **VI. Объявленія.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на общественно-педагогическую литературную еженедельную газету
ЖИЗНЬ и ШКОЛА
съ приложением ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ (годъ XIV).

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ на встрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамкѣ будничной „жизни“ и тѣсныхъ стѣнахъ „школы“; шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше попрежнему будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

При газетѣ издается въ видѣ приложенія особый сборникъ, подъ заглавіемъ: ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ, въ которомъ помѣщаются статьи по объему, неудобныя для еженедельной газеты и будутъ размѣщаться по слѣдующимъ отдѣламъ, съ особою номерациею страницъ въ каждомъ:

I. Беллетристическій: а) стихотворенія (ориг. и перев.); б) рассказы, очерки, воспоминанія и пр.

II. Научно-популярный: а) статьи по педагогикѣ, природо и обществовѣдѣнію и б) научная хроника.

III. Критико-библиографическій: а) статьи и б) обзоръ новыхъ книгъ.

Такимъ образомъ въ теченіе года подписчики получаютъ:

52 №№ газеты ЖИЗНЬ и ШКОЛА и

ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ въ видѣ особаго приложенія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой **5 руб.**, для начальныхъ школъ и учителей **4 руб.**, за границу—**6 руб.** на годъ. Доставившему подписку на 5 экз.—шестой бесплатно.

Кромѣ того, подписавшимся на годъ предоставляются слѣдующія льготы: годовые подписчики пользуются правомъ бесплатнаго помѣщенія объявленій на послѣдней страницѣ газеты и иногородные подписчики имѣютъ скидку до 20% съ продажной цѣны всѣхъ книгъ, брошюръ и т. д., выписываемыхъ черезъ посредство конторы газеты „Жизнь и Школа“.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893—1896 гг. можно получать за **два руб.**, 1898—1901 гг. по **три руб.** за годъ. Библиотеки и бесплатныя читальни пользуются особою уступкой. Подписчики, приобретающіе за всѣ года, пользуются, сверхъ того, уступкой—50%.

Вышедшіе №№ „Школьнаго Обозрѣнія“ и „Жизнь и Школа“ текущаго года, по требованію, высылаются наложеннымъ платежомъ на счетъ конторы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ Жизнь и Школа. С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

Редакторъ-издатель **М. Е. Виноградовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ (2-й годъ изданія)

„САМОПОМОЩЬ“

популярный журналъ для семьи,

ГИГИЕНИЧЕСКІЙ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ, ТЕХНИЧЕСКІЙ и ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ.

12 №№ журнала въ годъ и 48 приложений „библиотеки Самопомощи“.

Подписная цѣна со всѣми приложениями 4 руб. въ годъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Николаевская, № 37.

„Помогай себѣ самъ!“ вотъ девизъ нашего времени и идея самопомощи все болѣе входитъ въ сознаніе людей. Журналъ „Самопомощь“ посвящается этой идеѣ. Это первый русскій популярный журналъ, съ столь широкой программой, могущей удовлетворить каждаго. Провинциальная интеллигенція, люди труда, мысли и практическаго дѣла, чиновники, помѣщики, военные, священники, учителя, ремесленники, сельскіе хозяева, наконецъ родители и воспитатели—найдутъ въ журналѣ „Самопомощь“ и его многочисленныхъ приложенияхъ, въ ясной и общедоступной формѣ, много полезныхъ для себя указаній, совѣтовъ и наставленій, въ области медицины и гигиены, сельскаго хозяйства и домоводства, техники и ремеслъ, воспитанія и обученія и проч.

Въ 1902 году подписчики получаютъ слѣдующія приложенія:

Медицина и гигиена. 1) Малокровіе. 2) Гигиена старости. 3) Сонъ и безсонница. 4) Катарръ желудка. 5) Нервность нашего времени. 6) Тучность или ожирѣніе. 7) Гигиена слабогрудыхъ. 8) Домашняя косметика. 9) Лечение худобы. 10) Гигиена волосъ. 11) Геморрой и привычныя запоры. 12) Домашняя аптека.

Техника и ремесла. 1) Пишущія машины. 2) Автомобили. 3) Уходъ за велосипедомъ. 4) Волшебный фонарь. 5) Столяръ-любитель. 6) Апетиленовое освѣщеніе. 7) Двигатели малой силы 8) Электричество въ домашнемъ быту. 9) Рецепты по фотографии. 10) Граммофоны. 11) Технические рецепты дома. 12) Мелкія производства.

Сельское хозяйство и домоводство. 1) Системы полеводства 2) Уходъ за полевымъ садомъ. 3) Малина и ея разведеніе. 4) Замѣтки по пчеловодству. 5) Молочное хозяйство. 6) Искусственные удобрения. 7) Посадка деревьевъ. 8) Устройство цвѣтниковъ. 9) Земледѣльческія орудія. 10) Деревенскіе постройки. 11) Обработка почвы. 12) Уходъ за лугами.

Воспитаніе и педагогія. 1) Переутомленіе дѣтей. 2) Семейное воспитаніе. 3) Учебные столы и скамейки. 4) Дурные привычки дѣтей. 5) Дѣтскія игры. 6) Мать и дитя. 7) Городъ и деревня для дѣтей 8) Награды и наказанія въ воспитаніи. 9) Капризные дѣти. 10) Школьная гигиена. 11) Вліяніе наслѣдственности. 12) Нормальная дѣтская.

ПРЕМІЯ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ:

Подписчики по желанію могутъ подписаться наложеннымъ платежемъ, о чемъ заявляютъ редакціи простымъ, даже открытымъ письмомъ. Первый № журнала имъ высылается немедленно, съ наложеніемъ платежа 4 р. 25 к., (25 почтовые расходы), а остальные №№ по полученіи денегъ, высылаются обыкновеннымъ порядкомъ.

На 1902 г. подписка принимается.

ЖЕЛТОВАЯ ГАЗЕТА

С В Ъ Т Ъ

сообщаетъ важнѣйшія правительственные распоряженія, телеграммы и другія извѣстія одновременно со всѣми большими, дорогими газетами, имѣя одинаковую съ нимъ программу, при чемъ 24 №№ въ теченіе года иллюстрированы рисунками на современные темы.

Подписная цѣна: на годъ съ 1 января по 31 декабря 4 р., на полгода съ 1 января или съ 1 юля 2 р., на 3 мѣс. съ 1 января, 1 апрѣля, 1 юля, 1 октября 1 р. Съ доставкою въ Спб. или пересылкою по Имперіи.

СВѢТЪ со „Сборникомъ романовъ и повѣстей“

состоящимъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

За годъ „СВѢТЪ“ и 12 томовъ романовъ 8 р., за полгода СВѢТЪ и 6 томовъ романовъ 4 р., за 3 мѣс. СВѢТЪ и 3 тома романовъ 2 р.

Письма и деньги адресовать: С-Петербургъ, редакція газеты „Свѣтъ“, Невскій проспектъ № 136.

Редакторъ-издатель В. В. Комаровъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Церковность. (Ея важное значеніе и необходимость въ жизни и школѣ).— Достоевскій о воспитаніи.—Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ—Свѣтлая страничка изъ исторіи старой церковно-приходской школы—Изъ учительскихъ дневниковъ. Слезы новичка.—Дитя.—Посѣвы и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.—Страничка для дѣтей. Маленькій исповѣдникъ Христа.—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Виенія. Января 24 дня, 1902 года. Цензоръ, Ректоръ Виенской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вьялевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ посадь, Моск. губ., въ Редакцію „Вожеіей Нивы“.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ отъ 6 до 12 разъ въ годъ.